

СЕРГЕЙ ДАНИЛОВ

**ВРЕМЯ
ИСПРАВИТЬ
ОШИБКИ**

СТИХИ

Сергей Данилов

Время исправить ошибки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68403784

SelfPub; 2023

Аннотация

Поэтический взгляд назад, стихотворные попытки переосмыслить пройденный путь, исправить допущенные ошибки, а также красивые морские зарисовки и эротические перлы.

Содержание

Запылённый альков примиренья	10
Паутина старости	10
Звёздный час	11
Черепки любви	13
Гербарий страстей	14
Люди-книги	15
Пробел	17
Сизифов камень грехов	19
Прямые убытки души	20
Удачная женитьба	21
Хмельные мечты	23
Непризнание поражения	25
Трамвай моих желаний	27
Следы проступков	29
Моль огорченья	31
Власть пандемии	33
Осенние изменения	35
Альков примиренья	37
След радужной судьбы	39
Мегаполис иллюзий	39
Рулетка жизни	41
Лавина секретов	43
Как в компьютерной игре	44

Колоссальный фурор	45
Состоятельный мужчина	47
Прозорливый	49
До первой крови	51
Оскудение	53
Опасения сельского безработного	55
Брошенная	57
Лишние познания	59
Интроверт	61
Злобный карлик	63
В однушке	65
Эхо добра	67
Полупустой стакан жизни	69
Худые и полные	69
Очевидный крах	72
Эмиссар	74
Путь в безвременье	75
Настоящая любовь	76
Неизбежность	77
Тяжкий груз	78
Ларцы тайных знаний	79
Поле битвы	80
Окрошка жизни	81
Гормональный взрыв	82
«Нам нелегко в спешащей, сложной жизни...»	84
«Жизнь была игристым фонтаном...»	85

Боль поражений	86
Чудить!	87
Бешеный роман	88
Реинкарнация огненной страсти	90
Пуля лобзанья	90
Пылкая весна	91
Спор с вечностью	92
Боязнь откровения	93
Ветреная весна	94
Неистребимая дурь	95
Кандалы бессонниц	97
Апрельский кудесник	98
Без преград	99
Проказник-апрель	101
Преддверье порока	103
Стринги	104
Мотивация	105
Надёжная копилка	106
Время настоящей любви	107
Хмельная весна	108
Мои бесы	109
Венки окончанья	111
Любовь-заноза	112
Весеннее забвение	113
Бабочки желаний	114
Позитивный настрой	115

Многоопытная малышка	117
Дыхание яркой интриги	119
В аренду	119
Настырные поиски	120
Хозяин жизни	122
Удачный побег	124
Осмотр души	125
Анахронизм	126
ЗОЖ – здоровый образ жизни	128
Сети похмелья	130
Зеро	131
Острова одиночества	132
Слабая память	134
Вирус безразличья	135
Начитанный кит	136
Мои преследователи	137
Зона комфорта	138
За край	140
Некролог Земле	141
Трутни	142
Богатые и бедные	144
Провидец	145
Статист жизненной сцены	146
Наивность души	146
Провальный концерт	147
Скелеты в шкафу	148

Объявление	149
Ночные размышления	151
Шило	153
Матрёшка	155
Крестовый поход	157
Бронепоезд вендетты	159
Вата одиноких лет	160
Мизантроп	161
Моё счастье	163
Сердечные слова	165
Что я могу	166
Сохранённый интерес	167
В сетях южного бриза	169
«Волны моря голубые...»	169
«Море берег ласкает прибором...»	170
Небесный купорос	171
Море и суша	172
Я не море	174
Морской бриз	176
О море и небе	177
Любовь и море	178
Обет	179
Небо и море	180
Южный июль	182
В тенистой беседке	183
Сиеста	184

Южный ветер	186
Молочные звёзды	187
Космический пакт	188
Жара и белоснежье	189
Засуха	190
Готовый эскиз	191
Морские ипостаси	192
Благодатный удел	194
Окончание лета	195
Звон изысканных идей	196
На вершине	196
Укоренившийся	197
Два ангела	198
Отрицание	199
Дачник одного меридиана	200
Пират смешанных лесов	201
Обет бесчувствия	202
Из прошлой жизни	203
Документы в интернете	204
С завтра на послезавтра	205
SOS	206
Утешительный бонус	207
Вирус увяданья	208
Перья вдохновения	209
Филигранная тишина	211
Красочный аншлаг	212

Всевышний андроид	213
Радость эстета	215
Богатый листопад	216
Сольный концерт	217
Достойный финал	218
Простодушный эротоман	219
Ассорти	219
Минута славы	220
На дне рождения	221
Третья половинка	222
Скончался	223
Стареющий биткойн	224
«Муж исчезал на целый день...»	225
Букеты	226
Подруга	227
Жизнь с поэтом	228
Колдун	229
Лилия	230
Примитивный рэп	231
Курчавость	232
Интернет и секс	233
Частушка	234
Я уехал далеко	236
По привычке	238
Когда иссякнут силы	240
Отрывающийся	242

Сергей Данилов

Время исправить ошибки

Запылённый альков примиренья

Паутина старости

Безразличье слоём пыли покрывает желанья,
Не стереть его тряпкою, не пропылесосить.
Постепенно тускнеют яркие воспоминанья.
Настроенье не смеяться, встречать тихо осень.

Жажда приключений залита водой равнодушья —
Можно путешествовать, а можно сидеть дома.
От домоседства давно не наступает удушья.
Неспешная жизнь – она же активная кома.

Ответ на приглашение выпить – пренебреженье.
На стене грамота «Отличному семьянину».
Интимная гавань обходится без треволненья.
Он ловит старость в бесконечных дел паутину.

Звёздный час

Он успел заскочить в предпоследний вагон.
Прогремел и умчался коммерции поезд.
Безмятежно дремал опустевший перрон,
Шанс давая продолжить свой жизненный поиск.

Он не чувствовал рамок, закрытых границ,
Ощущал: наступает эпоха везенья.
Наловил в нетерпенье дешёвых синиц,
Но навек упустил журавля вдохновенья.

Рельсы бизнеса смело несли его вдаль,
Калькулятора шпалы считали доходы.
Извивалась пестрящих событий спираль,
Где поэзия, музыка – лишь эпизоды.

Он работал, как вол, от зари до зари.
В паре банков ломались счета от валюты.
Мельтешили, теснясь, декабри, январь —
У тельца золотого надёжные пути.

Годы взяли своё, он ушёл на покой.
Обеспеченный быт был достоин, но пресен.
Без серьёзных вложений, рискованных порой,
Показался на пенсии мир ему тесен.

Увлечения и спорт позабыты давно.
Интереса к театру не смог обнаружить.
Он смотрел на экран и не видел кино,
Оставалось лишь в парке дорожки уютжить.

Засыпал вечерами от чтения книг,
Раздражался от белиберды сериалов,
Вспоминал остроту подковёрных интриг,
Возбужденье от офисных ярких скандалов.

Перестал выезжать за границу в турне,
И родные просторы его не манили.
Пребывал постоянно в хмельном полусне,
Словно сом под корягой в болотистом иле.

Он учить не хотел, не умел сочинять,
Не общался с племянником из Подмосковья,
День за днём от безделья стал увядать.
Появились неожиданно проблемы здоровья.

Оживал его взгляд лишь на пару минут,
Когда шли биржевые последние сводки.
В мире акций, активов, контрактов, валют
Звёздный час вспоминал деловой своей счётки.

Черепки любви

Пытаемся склеить разбитую чашку,
Осколки страстей по углам подобрал.
Мы, дряблые души раскрыв нараспашку,
Решаем в запале, кто прав, кто не прав.

Прошла перепалка взаимных упрёков,
Истрачен с лихвой боевой арсенал,
Закончилось время ехидных намёков,
Разборка опять переходит в скандал.

Претензии розгами бьют, оставляя
Не видные с первого взгляда следы.
Вскипаем отчаянно, злость распыляя,
И вязнем в противном болоте вражды.

Где взять доброту – благотворную камедь,
Промазать семейного счастья горшки...
Устала от прошлого ржавая память.
Отправлены в урну любви черепки.

Гербарий страстей

Загрустил я серьёзно с тобой,
Мне не радостен звонкий апрель.
На душе не цветенье – застой,
Безразличия кружит метель.

Равнодушия плесень во всём —
В наших мыслях, поступках, делах.
По квартире плутаем вдвоём
В ярком свете, как будто впотьмах.

Словно тени, бесплотны, легки,
Незаметно скользим по углам,
Сохраняем семью – вопреки
Безнадёжно ушедшим годам.

Осень в чувствах увядших царит,
Нет дыхания тёплых морей...
Поседевшая память хранит
Уникальный гербарий страстей.

Люди-книги

Выглядят люди порой, словно книги.
Кто-то, в новёхонькой суперобложке,
Явно в составе влиятельной лиги,
Не экономит последние крошки.

Кто-то потрёпан, зачитан безбожно —
Комикс помятый из местной читалки.
С ним воплощенье мечты безнадёжно.
Сводится быт к болтовне и рыбалке.

Также встречаются всюду брошюры —
Текста фривольного пара страничек.
Их интерес обращён к маникюру.
Напоминают щебечущих птичек.

Редки теперь многотомники в мире —
Встречи научные стали нечасты.
Правят дешёвые гуру в эфире
Из детективной воинственной касты.

На беллетристику спрос постоянен,
Только её отыскать всё труднее.
Тонет в рекламе любой горожанин,
Слог с каждым годом бледней и беднее.

Век фолиантов уходит в былое —
В моде кроссворды на грубой бумаге.
Немногословное чтиво тупое
Можно найти в каждом универмаге.

Пала культура экслибриса ныне —
Всё обезличено и однополо.
Макулатура, погрязнув в гордыне,
Нагло плюёт на величье глагола.

Для элегантных ляссе нету места.
Дранные джинсы красуются всюду —
Флаги плебейской борьбы и протеста
Множат рваньём бескультурье и смуту.

Эра буклетов, не энциклопедий.
Броские слоганы съели познание.
Фарсы на сцене великих трагедий.
Вместо гранита науки – лазанья.

Пробел

Опять ощущение большого пробела,
Как будто полжизни замазали мелом.
Был занят налогами, прибылью, делом.
Цветущая юность стрелой пролетела.

Идейный борец за рубли и валюту,
Тельцу золотому пожертвовал годы,
Не помню в младенчестве дочку. Доходы
Исчезли туманом в лихую минуту.

Что спросишь с детей? Они выросли быстро,
У всех свои семьи, проблемы, заботы.
Мне выделен час каждой третьей субботы
Для роли никчёмного экс-бургомистра.

Визиты формальны, вопросы стандартны —
Нет искренних чувств на унылых задворках.
Беседы плутают в пустых оговорках,
Словес кружева вместо споров азартных.

Хотел бы припомнить весёлые встречи,
Но числа хранит измождённая память.
Бухгалтерских сводок колючая заметь
Препятствует дару участливой речи.

Полжизни заляпано серою краской
Безмерной гордыни, излишних амбиций,
А реку богатых семейных традиций
Покрыла рутины осклизлая ряска.

Сизифов камень грехов

У меня – семь заполненных клеток синиц.
Я сменял бы их даже на след журавля,
Чтоб стихи запестрели на сотнях страниц,
Чистой рифмой тебе наслажденье суля.

В арсенале премного возвышенных строф,
Изречений красивых и броских цитат.
Я мечтаю парить с тобой средь облаков,
Каждой фразой ласкать ускользящий взгляд.

Накопилось немерено разных вещей,
Бесполезно пылится роскошный балласт.
Скарб отдал бы я ради улыбки твоей:
Может, им растоплю недоверия наст.

В голове бьётся рой оправдательных слов —
Так хочу, чтоб смогла ты обиду забыть.
Погибаю Сизифом под камнем грехов,
Но тебя всё равно не могу разлюбить.

Прямые убытки души

В душе всё заметней прямые убытки,
Немного осталось любви и тепла.
Обид непрощённых седая зола
Надёжно укрыла чужие ошибки.

Пора зафиксировать грехопаденье,
Пока не достигнуто самое дно.
Ужасных проступков кривое панно
Должно унести извинений течение.

Взлетит гистограмма заветных признаний,
Хрипя, меркантильность покинет торги,
Останутся только сыновьи долги,
Не будет болезненных воспоминаний.

С годами должно проявляться смирение,
Но чаще приходит простая алчба,
Желанье плотнее набить погреба,
В заветной кубышке найти утешенье.

Казалось бы, возраст дарует терпимость,
А всходят побегу колючих речей.
Скопилось немерено ржавых ключей —
Их пестует мнимая непогрешимость.

Удачная женитьба

Старикан, люблю старуху.
Оказалась интересной
Дама, близкая по духу.
С нею жизнь не стала пресной.

Удивительное дело —
Сорок лет бок о бок, рядом,
Ею покорён всецело,
Связан навсегда обрядом.

Наслаждаюсь в разговорах
И блаженствую в молчанье,
Мимикрирую в раздорах,
Отдаляю расставанье.

Утром делаю зарядку,
Чтоб гордиться стройным телом.
Мучаюсь потом с устатку
Ревматизмом застарелым.

Вместе ходим на прогулки,
Знаем в парке все дороги,
Истоптали переулки,
Нагрудили наши ноги.

Тянет к ней меня магнитом,
Чувствую – приворожила.
Уникальным колоритом
Манит внутренняя сила.

Сорок лет она желанна.
Может, разума лишился?
Это – благодатная манна —
Я удачно прилепился!

Хмельные мечты

Я запланировал веселье,
Хочу счастливым завтра быть,
Затей составить ожерелье,
С тобой изысканно чудить.

Проснёшься – всюду в спальне розы
И запах шелковистых трав,
Летают радости стрекозы,
Тоскливость скуки разогнав.

Гостиная полна шарами
Под потолком и на полу.
Змеится серпантин ужами
Вдоль стен к накрытому столу.

На кухне чёрный кофе в турке
Распространяет аромат.
Кольцо и серьги на шкатулке
Сюрпризной радугой блестят.

Водой наполнена джакузи
В мерцанье призрачном свечей.
Томятся ягодные смузи.
Пленяет музыкой Орфей...

С утра сиротское похмелье,
Опустошённости бельмо.
В душе упрёков новоселье
И одиночества ярмо.

Непризнание поражения

Ныне время исправить ошибки,
Искупить равнодушие к родным.
Задолжал им тепло и улыбки,
Жил Гобсеком, на чувства скупым.

Пыльной стопкой копились признанья
О безмерной любви и добре.
Мои дети росли без вниманья.
Не помог я в проблемах сестре.

Пустомелей для всех оказался,
Поздравления слал в Новый год,
Сам же с Бахусом власть обнимался
И считал ежедневный доход.

Пролетали часы и недели,
Мельтешили безликие дни.
Вдруг я понял – мы все постарели,
Стало меньше друзей и родни.

Ощущенье безмолвия в мире,
Не с кем доброго слова сказать.
Задыхаюсь в холодном эфире,
Где непросто тепло излучать.

Надо срочно исправить ошибки,
Все долги бескорыстно раздать.
Пусть желанья остывшие хлипки.
Пораженъе нельзя признавать.

Трамвай моих желаний

Ушёл трамвай моих желаний.
В депо пустынно и темно.
У счастья много очертаний.
Подсказку брать запрещено,

Чтоб отыскать его мгновенно.
Бывает, в поисках свой век
Проводит дни самозабвенно
Неугомонный человек.

Но я об этом не радею,
Иллюзии похоронил,
Спокойно, медленно седею.
От бурь былых на сердце ил.

В него ныряю я тоскливо
И упиваюсь тишиной.
Дни тянутся благочестиво,
Не щеголяя новизной.

Любовь я потерял бездарно,
А это был последний шанс
Жизнь провести неординарно,
Сложив изысканный пасьянс.

Держался дерзко, неумело,
Скопил претензий караван.
Был страстью одержим всецело
И погружён в хмельной дурман.

Подборку обвинений глупых,
Не разобравшись, повторял.
Дошёл до фраз обидных, грубых,
Раздор обильно удобрял.

Поддавшись злобному азарту,
Растратил нежности ростки...
Я разыграл плохую карту.
От чувств остались угольки.

Где ты теперь, трамвай желаний?
Растаял среди людской толпы.
Течёт поток воспоминаний
По следу радужной судьбы.

Следы проступков

Прошлых проступков дрянные следы
Ржавчиной память мою разъедают.
Я пожинаю гордыни плоды.
Воспоминанья ночами терзают.

Осознаю, был во многом неправ,
Нашу привязанность рвал неумело.
Совесь-судья преступлений состав
Мне выдаёт однозначно и смело.

Самовлюблённость бурлила на дне,
Вкрадчиво пела: «Всё в мире доступно».
Я унижал тебя наедине,
Дни проводил в развлечениях беспутно.

Комплексы рьяно душили меня,
Даже вздохнуть было трудно порою.
Сбились пороки, приличье тесня,
И увлекли непристойной игрою.

Я заигрался, грехи оправдал,
Переложил на тебя обвиненья,
Сам себе истину растолковал,
Спрятал подальше в чулане сомненья.

Переписать бы негодную жизнь,
Ведь календарь всё быстрее облетает.
Пулями горьких немых укоризн
Память настырная больно стреляет.

Моль огорченья

Компромисс отыскать всё трудней и трудней.
Сам себе неустанно, настырно перечу,
Обещаю расстаться с обидой своей,
Но поступками жалкими противоречу.

Вынимаю скелеты из пыльных шкафов
И смакую увядшие перипетии.
То, счастливый, парю среди любви облаков,
То сдаюсь больно давящей грудь ностальгии.

Вспоминаю красивых романов канву,
Проживаю альковные жаркие сцены,
Ощущаю волнение ночных рандеву
И фантомную боль самой первой измены.

Заклинаю себя не копаться в былом.
На помойке страстей не найти всепрощенья.
Заливаю воскресшие чувства вином
И молюсь, чтоб скорее явилось забвеньё.

Вредоносная порча гнездится в мозгах,
Червь ехидных сомнений надменно глумится.
Пилигрим прожитого, плутаю впотьмах
И пытаюсь наивно с собой помириться.

Мне пора покаянные бросить стихи,
Колебания высыпать в урну смиренья.
Дважды кряду не судят за те же грехи.
Платья яркой любви портит моль огорченья.

Власть пандемии

Забыли в ангарах про синь самолёты,
В депо обесточенных спят поезда,
Турфирмам почти не осталось работы,
Унылых событий пылит череда.

Закрывают границы, без дела таможни,
В маринах заполненных спят катера,
У малого бизнеса спад безнадёжный,
Давно не галдит во дворах детвора.

Без шумных банкетов грустят рестораны,
Скисает в открытых бутылках вино,
По брошенным кухням снуют тараканы.
На биржах паденье, достигнуто дно.

Какая ещё нужна вирусу жертва?
Добавим, хотя уже полон алтарь.
Готовы пойти на подлоги и зверства,
Сменить конституцию и календарь.

Пройдёт пандемия на выборах в Думу —
Не страшен высокий процентный барьер.
Достанется власть ей без пыли и шума —
Отдаст полномочия ушлый премьер.

Подвластны умы ей и наше здоровье,
О ней знает каждый в стране гражданин,
Адептов её велико поголовье.
Без маски с ней близок любой семьянин!

Осенние изменения

С осеннего свода лазурь облетает,
Стекает по куполу за горизонт.
Промозглая сивость клоками всплывает,
Сапфиру небес нужен срочно ремонт.

Пора подлатать васильковые дали,
Очистить пронзительный ультрамарин,
Чтоб ливни из серых прорех не хлестали
По голым телам худосочных осин.

Вернуть бирюзу и густое индиго —
В палитре достаточно ярких цветов.
Ноябрь бережливый – несносный сквалыга —
Приверженец траурных тёмных тонов.

Мне надо в душе перекрасить желанья,
Добавить радушья призывную синь,
Скупого маренго уменьшить влиянье,
Чтоб правила жёлтого счастья теплынь.

Замазать стальные оттенки обиды,
Плеснуть ослепительной радости цвет.
Любви и добра испуская флюиды,
Стереть отпечатки графитовых бед.

Восторги в душе отцветают с годами,
Приходит туманных сомнений пора.
Я радужно жизнь разукрашу мечтами,
В рубиновом сердце исчезнет хандра!

Альков примиренья

Ты уходишь, глаза умоляют – верни.
Подсознание моё восклицает: «Останься!»
Мы во власти амбиций, внутри западни,
Разрушители яркой любви консонанса.

Что-то ищешь нервозно в одёжном шкафу,
Обуваешься быстро и хлопаешь дверью.
Не пытайся покинуть раздумий софу,
Погружаюсь тоскливо в тупое безделье.

Затихает на лестнице стук каблуков,
Возникает безмолвие мёртвого склепа.
Прекращаю парить среди пустых облаков
И считать, что размолвка смешна и нелепа.

Глухо вскрикнув придушенным, хриплым чижом,
Подлетаю в мгновение и мчусь за тобою
Сквозь рогатки напрасных обид напролом,
Расстаюсь с заскорузлой гордыней мужскою.

Подгоняю себя: «Постарайся, успея», —
Как охотник, спешащий за редкой добычей,
Настигаю тебя у подъездных дверей
И сгребая в охапку стан гибкий девичий.

Бьёшься пойманной птицей в дрожащих руках,
Огрызаешься, грозно вращая глазами.
Обвиненья бросаешь в лицо второпях,
Позабыв, что блистишь откровенно слезами.

Угасает враждебности яростный пыл.
Вместо шторма раздора – прилив возбужденья.
Онемев от любви, выбиваясь из сил,
Я несущу тебя нежно в альков примиренья.

След радужной судьбы

Мегаполис иллюзий

Мегаполис иллюзий транжирит огни,
Завлекая сияньем манящих реклам,
Нагло шарит в ночи по чужим кошелькам,
Цепкой алчности в них запускает клешни.

Беспринципности учит в порочных делах,
Купола подменяет штыками антенн.
Пилигримов любви ждёт торгашеский плен.
Каждый житель погряз в непомерных долгах.

Колоколен малиновый звон поутих,
Исхудалый, томится в загоне Пегас.
Монитора экран – лучший иконостас,
Калькулятор в обложке похож на диптих.

Фолианты отправлены на вторсырьё,
Круг друзей ни к чему, коль активен смартфон.
Вместо джаза играет в эфире шансон.
На могиле духовности зла вороньё

Средь давно пожелтевших познания цветов,

Зависть чёрную пестуя, глазом косит.
Торжествующе-жадно растёт профицит
Душ дырявых в оковах безверья венков.

Рулетка жизни

Кому что достанется в жизни,
Увы, мы не знаем, друзья.
Один будет верен отчизне,
Другому чужие края

Понравятся с первого взгляда:
Забудет он платья берёз,
За морем отыщет отраду,
А родину бросит без слёз.

Один однолюбом предстанет,
Состарится с милой своей.
Другой пару женщин обманет,
Оставив двух-трёх сыновей.

Один будет биться упорно,
Добро добывать для семьи.
Второму отнюдь не зазорно
Присвоить чужие рубли.

Трудяга в заботах бесследно
Здоровье растратит, в борьбе.
А кто-то по жизни безбедно
Пройдёт, не забыв о себе.

Не каждый способен на верность,
На счастье с одною женой.
Повесе нужна многомерность —
Закрутит роман с молодой.

Забудет страна про заслуги —
Пинок патриоту под зад.
А у конъюнктурщика слуги,
Роскошных покоев парад.

Неверная птица – удача,
А счастье – рулеточный шар.
Стараемся – нету отдачи,
Схалтурим – готов гонорар.

Лавина секретов

За годы скопилась лавина секретов,
Неясно, где мне эту массу хранить,
А искренних очень немного ответов.
Прошедших событий запутана нить.

Скрываю упорно болячки от близких —
Нервировать их лишний раз ни к чему.
Суждений чурюсь я максималистских —
Гербарий цитат не помог никому.

Нет силы открыть дверцы хрупкого сердца,
Извергнуть эмоций накопленный хлам.
В остротах не видно пикантного перца.
Направлены жалобы лишь докторам.

Дела – хорошо, а здоровье – нормально.
Мы – как фехтовальщики: выпад, удар.
Проблемы хороним свои идеально.
Един ссор и праздников репертуар.

На тихую радость унылость похожа,
Веселье подчас маскирует тоску.
В ночи потаённые мысли тревожат:
Возможно ль сорвать откровений чеку?

Как в компьютерной игре

Я хочу, как в компьютерной детской игре,
Получать, если надо, свободные средства,
Не сидеть до зарплаты мышонком в норе,
Нищету принимая с хандрою в соседство.

Пополнялся энергии чтобы запас
В миг, когда покидают последние силы.
Я б шашлычным дымком поднимался тотчас,
Словно струны, дрожали б набухшие жилы.

Чем длинней дополнительных жизней набор,
Тем уверенней будут рождаться решенья,
Для рискованных фантазий широкий простор —
И возможность исправить все грехопаденья.

Колоссальный фурор

Возможно, я вырвусь из лап Люцифера,
Но чем добродетель одарит меня?
Святая безгрешность – пустая химера,
А в мире суровом потребна броня.

Открытость души порождает увечья —
Летят в неё камни досадных обид.
Порочна обычная жизнь человечья:
Жить легче, отринув смущенье и стыд.

Успех порождает всеобщую зависть.
Достаток корыстным соседям претит.
Таить надо самую малую радость,
Хорошие вести, настрой, аппетит.

Любовь возбуждает ревнивые взгляды,
Приходится чувства держать под замком,
Скрывать ото всех дорогие наряды,
Носить украшения дома тайком.

Живые глаза и упругие щёки?
Они посторонним – застрявшая кость.
Здоровье в порядке – плодятся намёки.
«Продался он дьяволу», – мается злость.

Ущербным и жалким смотреться пристало,
Но мне неприятен такой коленкор.
Циничной улыбки откину забрало
И произведу колоссальный фурор!

Состоятельный мужчина

Я – состоятельный мужчина.
Из разных звеньев состою.
Сплелись гордыня и кручина,
Напор в решительном бою,

Коллекция пузатых кружек,
Бутылок бесконечный ряд,
Помада ласковых подружек,
Язвительных сарказмов яд,

С друзьями лёгкое застолье,
Непродолжительный запой,
И подмосковное подолье,
И горделивых Альп покой,

Фонтан хмельного красноречья,
Молчанья грустного следы,
Души серьёзные увечья,
Крестообразный шрам беды,

Уединения болото,
Беззлобных шуток карнавал,
Случайного знакомства фото,
Перечеркнувший связь скандал,

Коррозия дурных поступков,
Обид напрасных рубежи,
Витрина запылённых кубков,
Ожесточения ежи,

Амбиций властных портупея,
Желанье удивить весь мир,
Апломб богатого лакея
И драматизм... ведь я – Шекспир!!!

Я состоялся как мечтатель,
Неутомимый фантазёр,
Пустых иллюзий обладатель,
Продажной рифмы сутенёр.

Прозорливый

Даже если мой шанс за горами,
Постараюсь его отыскать,
Уцеплюсь, если надо, зубами,
Обладанья поставлю печать.

Поджидаю его, как охотник,
Притаившийся в чаще тайком.
Я готов выходить на субботник,
Сквозь запреты нестись напролом.

То пускаю слезу, то пижоню,
Изменяю рисунок игры,
Собираюсь за благом в погоню,
Замираю в объятых хандры.

Жду серьёзного шанса годами,
Опасаюсь его прозевать,
Караю в подъезде ночами,
Выхожу на балкон поискать.

Страшно мне проворонить удачу,
Не заметить призывный намёк,
От трудов не увидеть отдачи,
Получить от сознания упрёк.

Ждёт меня где-то случай счастливый —
Уготовано с ним рандеву.
Догадаюсь, ведь я прозорливый, —
Этой верой полвека живу!

До первой крови

Бой до первой капли крови,
Предложение вина —
Уяснили мы: в основе
Чья-то прячется вина.

Были холодны к старухам
И брезгливы к старикам,
Равнодушны к оплеухам,
Недоверчивы к слезам.

В детстве правила жестокость —
В коридорах, во дворе.
Мы во всём ценили строгость,
Забывая о добре.

Вышли в люди мы – циничны,
Слабо теплилась мораль,
К боли близких безразличны,
Каждый был отпетый враль.

Результат – разводы, ссоры,
Понужденья на аборт,
Оправданий мерзких горы,
Адюльтеров хоровод.

С деловым своим партнёром —
Беспринципность, пофигизм,
Наслаждение фурором,
Правовой идиотизм.

Для родителей забытых —
Поздравленья в Новый год,
Для детей полузабытых —
Гроздь засаленных острог.

Вроде не были шпаной —
Сорной выросли травой.
Лицемерие виною,
Развращающий застой.

Не исправить хладнокровных —
В душах сердоболья прах.
Надо в детях безгреховных
Заменить на совесть страх.

Оскудение

Гормональный фон скудеет,
Пенис редко нужен стал:
Прямо на глазах хиреет,
На свидании не встал.

Умолял я слёзно друга:
«Пробудись же, дорогой!»
Он, как будто от недуга,
Обвисал полуживой.

Эротичные картинки
Я достал: «Гульнём, мол, всласть!»
Он забыл про валентинки
И про то, что значит страсть.

Показал его хирургу.
Врач заверил: «Всё путём», —
Дал наглядную брошюрку,
Запланировал приём.

Я тогда его к путане
Познакомиться отвёл.
Даже крутобёдрой Тане
Отказал седой осёл.

Сжался грустной гармошкой.
Ну ведь я не гармонист —
Раздвигать меха ладошкой,
Как заядлый онанист.

Гормональный фон скудеет,
Тихнет чувственный вулкан.
Пузо в зеркале полнеет.
Я – бочонок, пенис – кран.

Опасения сельского безработного

Дни похожи друг на друга,
Словно капельки воды.
Я в объятиях испуга,
В предвкушении беды

Жду циничного подвоха:
Вдруг отменяют векселя,
Воцарится суматоха,
Резко рухнет курс рубля,

В океане шторм начнётся,
Ощетинятся валы,
Ураганный пронесётся
Ветер в образе метлы,

Злой вулкан раскурит трубку,
Кашлянет и задымит,
Пепел, превращаясь в губку,
Острова запорошит,

В паре нефть просядет с газом,
Встанет экспорт всей страны,
В соответствии с указом
Будут квоты введены.

Напридумал массу бедствий
Деревенский ротозей.
Но пока что без последствий:
Далеко я от морей —

Обошли удар цунами,
Изверженья и шторма.
Дом укутала снегами
Серебристая зима.

Нефтяной не видно вышки,
Нету газовой трубы.
В рации кочерыжки
Да солёные грибы.

Не грозит мне разоренье,
Конвертация валют —
Из активов: соль, варенье,
Вымпел за ударный труд.

Прозябаю без работы
На диване до весны...
Как там выборы в Дакоте,
Освоение Луны?

Брошенная

Мне надо научиться снова жить
И залечить обкусанные локти,
Не выпускать невольно злобы когти,
Связать судьбы разорванную нить.

Одним на свете меньше подлецом —
Его, мерзавца, для меня не стало.
Я опущу бесчувствия забрало,
Чтоб не светить заплаканным лицом.

Как тяжело смотреть родным в глаза,
Рассказывать знакомым, сослуживцам,
Назойливым бесчувственным счастливцам,
Что в тупике семейная стезя.

Уж лучше безутешною вдовой
Скорбеть по похороненному мужу,
Чем заполнять слезами боли лужу,
Знать: он с другой, здоровый и живой.

Возможно, время вылечит меня,
Известный лекарь справится с годами.
Мне тошно одинокими ночами,
Не сплю, проклятья сдавленно бубня.

Мы были вместе три десятка лет,
Вдруг – молния неожиданного разрыва.
Мне кажется, я прыгнула с обрыва,
Лечу в испуге, снизу почвы нет.

Семейный дуб разрублен пополам.
Один даёт весёлые побеги.
Другая часть как будто в грязном снеге —
Мне холодно и мерзко по утрам.

Безбрежная, враждебная зима:
Пустых воспоминаний равнодушие,
Отчаянья холодное удушье,
Беды всепоглощающая тьма.

Лишние познания

Я видел в жизни очень много,
Возможно, лишнего и зря:
Как протекает быт убого
От января до декабря,

Как за фасадами барокко
Растут несчастья грибы,
От неуёмного порока
Черты становятся грубы.

Улыбка – красочная маска,
Под ней уныния печать.
Затянет отношенья ряска —
Проблем в любви не избежать.

Не сыщешь дармовой монеты —
За всё приходится платить.
Не приживаются советы,
Их невозможно воплотить.

Две стороны одной медали:
Дворцов владелец одинок,
Другой, живущий не в Версале,
Лелеет дружеский поток.

Несправедливость миром правит —
У правды слишком кроткий нрав.
Политика всегда лукавит,
Презрев свой собственный устав.

Уходят безвозвратно годы
И усыхает доброта.
Меняет время на доходы
Без спроса ловко суета.

От груза долгого познания
На месте радости – печаль.
Я спрятал гнев и назиданья,
Надев терпения вуаль.

Интроверт

Раньше я мучился от одиночества,
Бился в пустынной квартире часами,
Не выносил роковые пророчества,
За разговоры цеплялся зубами.

Дни без общения шли утомительно,
Плыли, как будто стерильные, в вате.
То по квартире скакал уморительно,
То без движенья лежал на кровати.

Был воплощеньем худого холерика,
Склонного мчаться по первому зову.
Не привлекала меня эзотерика,
Секс и движенье считал за основу.

Годы свои принесли изменения.
Я, избегая общенья былого,
Не приношу никому извинения
И ухожу от скопленья людского.

Не посещаю давно дни рождения,
Корпоративы и в клубах попойки,
А, ощущая прилив вдохновения,
Много пишу в аскетичной пристройке.

Схлынула страсть, не хожу на свидания,
Время не трачу на женщин бездарно.
Связь – исключительно по расписанию,
Эргономично, легко, санитарно.

Не раззадорить меня разговорами,
Мы обсосали все вечные темы.
Я себя бью эфемерными шпорами,
Лемму фундируя для теоремы.

В кинотеатрах сюжеты известные,
Макулатура искусства вторична,
Чувства с экранов сквозят неуместные.
С книгой досуг коротаю отлично.

Стал экстраверт молчаливым флегматиком,
Не доверяющим ценным советам.
Лучше прослыть чудаком, маразматиком,
Чем потакать всем убожествам света.

Злобный карлик

Я был когда-то великаном
С огромным сердцем благородным,
Считался истинным гурманом
И людям помогал голодным.

Дарил подарки безрассудно,
Делился знаниями спокойно.
В иллюзиях летал подспудно.
Общался с дамами достойно.

С годами начал я ссыхаться
От одолевших треволнений,
Всё реже петь и улыбаться,
Вздыхать от пагубных сомнений.

Не смог достичь желанной цели!
Дано на старте было много...
Промчались юные апрели,
Желтеет осень у порога.

Я заигрался в добродетель,
Титан в обличье волонтёра.
Судьба – единственный свидетель:
Удачу упустил, обжора.

Делиться нечем – нет доходов,
Похвастать разве славным прошлым.
В кругу знакомых-сумасбродов
Неинтересным стал и пошлым.

Я недоволен зеркалами —
Глядит оттуда карлик злобный.
Исписан глупыми мечтами
Готовый камень мой надгробный.

В однушке

Она жила в большой однушке,
Пытаясь в ней создать уют,
Комплексовала: лишь простушки
В подобном месте гнёзда выют.

Нечасто посещал мужчина —
Не бог весть что, не секс-гигант, —
Но для неё была причина
На кухне проявить талант.

Она готовила салаты,
Пекла печенье, пироги,
Шла на чувствительные траты,
Порою делала долги.

Он приходил, садился чинно,
Кряхтел и с наслаждением ел,
Мизинец отводил картинно,
Десертный нож в руке вертел.

Снимал пиджак во время чая,
Благодарил по многу раз,
От угощений отдыхая,
Повторно начинал рассказ.

Шутил всегда довольно плоско,
Она всё знала наперёд.
Он гладил волосы – причёска! —
И прикрывал салфеткой рот.

В кровати было скоротечно:
Не так, как в кухне за столом.
Гость вёл себя простосердечно
И засыпал глубоким сном.

Проснувшись, одевался скоро,
Достоинo проведя визит.
Напоминал он ревизора,
Который кончил аудит.

Прощались с лёгким поцелуем.
Он обещал прийти опять
И, намекая: «Покайфуем!», —
Вращал дверную рукоять.

Убрал постель, помыв посуду,
Нервозно распахнув окно,
Она брала у ветра ссуду —
Стереть занудное кино.

Эхо добра

В эфире так много сейчас голосов,
Как будто кружит мошкара.
Абсурдом заполнены сотни часов.
Нет радио «Эхо добра».

Политика рьяная всюду царит,
Хотя в ней одни шулера.
Заметен плохих новостей профицит.
Нет радио «Эхо добра».

Любые мелодии можно найти,
Влекущие, как мишура.
Но в этом большом звуковом ассорти
Нет радио «Эхо добра».

Для бизнеса важно иметь свой канал:
Палитра проектов пестра.
Но если ты вдруг без тепла заскучал,
Нет радио «Эхо добра».

В динамиках бодро реклама звучит,
Огромны её рупора:
Поездки, товары, дешёвый кредит.
Нет радио «Эхо добра».

Я знаю, сейчас прагматический век,
У многих от темпа хандра.
Сочувствие должен иметь человек,
Создать надо «Эхо добра»!

Полупустой стакан жизни

Худые и полные

Полные люди живут на планете,
С толком, размеренно, много едят.
Им неприятно сидеть на диете.
Любят лазанью, рагу из цыплят.

А на соседней планете худые,
Как муравьи, беспокойно снуют,
Не потребляют продукты мясные,
Чтят без излишеств домашний уют.

Грузные граждане строят машины,
Им не прожить без ракет, кораблей.
Изобрели они лифты-машины,
Дроны летают взамен журавлей.

Тонкие ходят пешком с рюкзаками,
Все деловиты, активны, стройны.
В море – на вёслах и под парусами,
И эскалаторы им не нужны.

Манипуляторы мощных спасают,

Автопогрузчики, грузовики.
Часто их роботы перемещают,
Ведь толстопузы не слишком ловки.

Всё сухощавые делают сами,
Нет у худых электрических нянь,
Пилят вручную, куют молотками.
К слову, встают в несусветную рань.

Мало потребностей – мало прогресса.
Скромнен у тощих налаженный быт.
Им неизвестен вкус деликатеса,
Каждый травой огородною сыт.

У толстобрюхов же – культ разносолов,
Тут, несомненно, в чести общепит,
Самое новое – у мукомолов,
Чтоб расстегай разжигал аппетит.

Трассы петляют широкие, кстати, —
Нужен простор для нагруженных фур.
Всюду удобные с пультом кровати,
Разнообразие клавиатур.

На самокатах шныряют аскеты,
Скученны слишком у них города.
В тренде из мебели лишь табуреты,
Кресел роскошных пуста череда.

Долгие годы я жил среди сублильных.
Мне до чертей надоел сельдерей!
Хочется пышек любвеобильных
И от обжорства бессонных ночей.

Очевидный крах

Пора фальсифицировать симпатии,
Елейно улыбаться тут и там,
Придаться нарочитой дипломатии,
Потворствуя озлобленным врагам.

Жить в призрачных, обманчивых иллюзиях,
Парить беззлобно в мягких облаках,
Не зависать в навязчивых дискуссиях,
А растворяться в розовых мечтах.

Стараться имитировать сочувствие,
Притворно охать, видя чью-то боль,
Спокойно принимать вестей отсутствие,
Без усталости играть чужую роль.

Сорить повсюду детской беспечностью,
Погрязнув в ореоле показух,
Сиять открыто мнимой безупречностью,
Подспудно заполняя лжи гроттеск.

Довольства маску освежить фальшивую,
Надменную и гордую весьма,
Запрятать биографию правдивую,
Чтоб привлекала баек бахрому.

Подделывать любовь и сострадание,
Казаться добряком в чужих глазах,
Под нарочитым флагом назидания
Скрывать упорно очевидный крах.

Эмиссар

В жизни привычной проснуться хочу я —
Без опостылевших масок, перчаток.
В воспоминаньях приятных кочую.
Мир наяву – ненадёжен и шаток.

Благополучье развеялось быстро,
Вирус нахально сожрал накопленья.
Прошлое помнится милым, лучистым —
Каждый себе находил развлеченья.

Хочется, чтоб глупым сном оказалась
Наша действительность – серая, злая,
Невозмутимой картина осталась,
О пандемии глобальной не зная.

Я ощущаю смертельность паденья:
В страхе планета, объята кошмаром.
Может, к нечистому, бросив сомненья,
Стоит отправить меня эмиссаром.

Я сторговаться смогу с Люцифером,
Пред его грозным величием не струшу.
Стану землянам геройским примером —
За исцеленье пожертвую душу.

Путь в безвременье

Осознай: этот час для кого-то последний!
Опустеет пространство за званым столом.
Станет праздник шуметь, стул свободный соседний
Будет выглядеть давящим мутным бельмом.

И поэтому впитывай лица любимых,
Говори им простые, от сердца, слова.
Столько глупостей сделали непоправимых,
Спрятав в дальнем шкафу доброты кружева.

Не храни от родителей мягкие строки,
Ты для них – самый ценный на свете алмаз.
К сожаленью, придут безнадежные сроки,
Бесполезным окажется множество фраз.

У друзей не случается век бесконечным,
Всё приходит к финалу, имеет предел.
Наслаждайся с улыбкой общеньем беспечным —
Смотрит смерть неотрывно в холодный прицел.

Не стесняйся с детьми быть душевным и нежным,
Пусть они провели на земле много лет.
Помоги, чтобы путь их пролёг безмятежно:
Это твой уходящий в безвременье след.

Настоящая любовь

Всё в мире продажном цинично,
Везде преЙскуранты, цена.
«Бесплатно» – звучит архаично,
Бездушная ловкость ценна.

Грядущее наше туманно,
Легко можно сбиться с пути,
Блуждать, рассуждая пространно,
За счастье принять конфетти,

Скрестись о чужие пороги,
Иллюзии напрочь разбив,
Желанья отправить в остроги,
Страстей заглушить лейтмотив.

Любовь настоящая сможет
Блеснуть в паутине дорог,
Взаимности рельсы проложит,
Беде сочинив некролог.

Неизбежность

На рассвете приходят красивые думы,
На закате тревожат прощанья слова.
В непогоду осеннюю мысли угрюмы,
Умиление дарит небес синева.

Безмятежность приносит дыхание моря,
Раздражает дождливая серая хмарь,
То беспечно свистишь, ветру тёплому вторя,
То калечишь суждениями, грубый дикарь.

Беззаботною праздностью детство богато,
Старость часто наполнена скорбью людской.
Наша жизнь неизбежной кончиной чревата —
У старухи с косою не выиграть бой.

Тяжкий груз

Я готов был убить и её, и его.
Был порыв – отомстить, и рука не дрожала...
Даже зная, что будет потом нелегко,
Собирался вонзить в них смертельное жало.

А потом захотел их оставить вдвоём,
Чтобы длились совместные годы счастливо.
Сдать никчёмную жизнь первой встречной внаём
Возжелал беззаветно и неприхотливо.

Не ушёл, роковой не сумел сделать шаг,
Хоть кровавые муки терзали ночами.
Похудел и размокшею глиной обмяк,
Тяжкий груз раболепно несущий за плечами.

Ларцы тайных знаний

На чаше живущих всё меньше фамилий,
На чаше ушедших всё больше имён.
Давно не игралось смешных водевилей,
К походам в аптеку курс жизни сведён.

Застыло течение интимных желаний,
Ржавеет шаланда любви на мели.
Свершилось уже большинство предсказаний,
Романтики парус растаял вдали.

Всё меньше кого поздравлять с днём рожденья,
Всё больше кого поминать за столом.
Дотла прогорели симпатий поленья,
Бесстрастье укутало пыльным чехлом.

Чудно называть старших тётей и дядей,
Когда твои внуки галдят, как скворцы.
Кончается путь, впереди пара пядей.
Пора раздавать тайных знаний ларцы.

Поле битвы

Поле битвы достаётся мародёрам,
Победителей увозят в медсанбат,
Прославлять их суждено потом актёрам.
Проигравшие ничком в траве лежат.

Поле страсти достаётся странным людям,
Иногда совсем случайным и чужим,
А распущенность идёт желанным блюдом,
Раз легко любовь растаяла, как дым.

В поле жизненном желтеют, сохнут травы,
Дни бегут, стремясь в заоблачную даль.
Годы копятя безжалостной отравой
И меняют наслажденье на печаль.

Окрошка жизни

Стакан полупуст – или он полуполный?
Решить невозможно простую дилемму.
Ответ на вопрос неустойчив, как волны.
Не стоит из мелочи делать проблему.

Бываю я весел и тут же печален —
Поди разбери, что в душе происходит.
С утра ход событий порой триумфален,
К обеду среда непременно нашкодит.

Всегда для обиды найти можно повод,
В своих неудачах других обвиняя.
Сомнения, словно назойливый овод,
Настойчиво жалят, покой прогоняя.

В коктейлях судьбы негатива есть ложка.
Искать надо светлую радость повсюду.
Пестрит разнопланово жизни окрошка,
Вкушайте с любовью достойное блюдо!

Гормональный взрыв

В голове гуляет ветер,
Безработица в душе.
В прошлом шустрый, словно сеттер,
Я – диванный атташе:

Провожу благочестиво
Дни без края и конца,
На свидании ретиво
Не играю в жеребца

Со смазливую соседкой.
Захватила в сети лень.
И со мною домоседкой
Стала частая мигрень.

Приземлённые желанья
Плесневеют по углам.
Сокровенные признанья
Достаются докторам.

Вместо дружеских пирушек —
В одиночестве вино,
В окружении подушек
Примитивное кино.

Деградирую серьёзно
Без работы и забот,
Часто выгляжу курьёзно,
Как отбитый антрекот.

Всюду признаки регресса,
Впереди анабиоз,
Жизнь рептилии без стресса,
С тишиною симбиоз.

Воскресить стремленья, страсти
Сможет гормональный взрыв,
Разорвав тоску на части,
Словно лопнувший нарыв.

«Нам нелегко в спешащей, сложной жизни...»

Нам нелегко в спешащей, сложной жизни,
Любовь – рассвет, а расставанье – тьма.
Себялюбивы мы, порой капризны.
В стремлениях – то штиль, то кутерьма.

Мечтаем быть шампанского бутылкой,
Чтоб чувства били пенною струёй,
Забыв, что не бывает страсти пылкой
В душе, покрытой алчности бронёй.

«Жизнь была игристым фонтаном...»

Жизнь была игристым фонтаном,
Цвела и летела стрелой,
Взрывалась весёлым вулканом,
Блестела невинной росой.

Я полон был страстных желаний,
Бурлил, как напиток хмельной...
Пройдя череду испытаний,
Предстал ныне пеной седой.

Боль поражений

Мечтали быть асами долгой любви,
А стали маэстро дешёвых разборок.
Теперь раздражённость – моя визави,
А встречи исполнены недоговорок.

Тряпьем обещанья пылятся в углу,
Повсюду колючки напрасных претензий.
Попали мы в ссор затяжных кабалу,
Слова не достойны серьёзных рецензий.

Счастливые ноты забыты давно,
Разорваны бурных страстей партитуры.
Лиричные скрипки разохлись смешно,
Сданы отношения в макулатуру.

Ты грусть виртуозно играешь в слезах,
Я рядом страдаю, непризнанный гений.
Взаимность покинула нас впопыхах,
Судьбой дирижирует боль поражений.

Чудить!

Зачем вспоминать то, что было когда-то,
Жалеть миновавших часов караван,
Считать, будто старость – за юность расплата,
А время – коварный и злой шарлатан.

Не стоит оплакивать прошлые годы
(Мол, там были бури, теперь правит штиль),
Брюзжать, что растут непомерно расходы,
Отправлены груды стремлений в утиль.

Жить надо заливисто, весело, ярко,
Спалив равнодушья никчёмную нить,
Решить: не служанка судьба, а бунтарка,
Под брызги шампанского смело чудить!

Бешеный роман

Сначала: томное влечение,
Записка в пару робких строк,
При встрече странное томленье
И небывалый кровоток,

Неутомимые желанья,
Походы по карнизам крыш,
Большим поэтам подражанье
Под нежный шёпот: «Мой малыш».

Потом: напрасные обиды,
Друзьям размолвок пересказ,
Неуловимые флюиды
И череда дурных проказ,

Дни, как газетные страницы,
Полуистёртые листы,
Тень мимолётной чаровницы
И одиночества черты.

Событья – мятые брошюры —
Зачитаны со всех сторон.
Пропали счастья авантюры,
Стремлений опустел перрон.

Года сложились стопкой в книгу,
Не виден послесловья текст.
Мы дружно пропили интригу
В чреде бездарных ссор и бегств.

Исчез азарт, увяли страсти,
Признанья подменил обман...
Я в память об ушедшем счастье
Издам наш бешеный роман.

Реинкарнация огненной страсти

Пуля лобзанья

Полной грудью дышу я весной,
Распрощавшись с дремотною стужей,
Вспоминаю стихи вразнобой,
В дам стреляю из мартовских ружей.

Вылетают рефрены любви,
Восхищённые яркие строки.
Будоражит бурление в крови,
Сладострастные томные токи.

Предвкушенье расцвета во всём:
В почках вербы, в лазури небесной.
Возбуждает душевный подъём —
Чувствам тесно в темнице телесной.

Приближается тёплый апрель,
В патронташе роятся признанья.
Ты – моя долгожданная цель.
Я сражу тебя пулей лобзанья!

Пылкая весна

Март в обнимку с зелёным апрелем
Льёт индиго в бездонное небо.
Мы от яркого солнца смеем,
Сбросив зимних объятий плацебо.

Появился подснежник желанья,
Дышит страстью пушистая верба.
Мы похожи на два изваянья —
Совершенных, без капли ущерба.

Привлекают тела наготою,
Распроставшись с одеждой смущенья.
Ты пропитана пылкой весной,
Я с тобою готов к приключениям!

Спор с вечностью

Времени глыба крошится на мелкие части,
Пляшут секунды, ритмично мелькают часы.
Множество острых зубов есть у вечности в пасти,
Годы сжирают людей, как голодные псы.

Спорить с колоссом не смеют песчаные крохи
И исчезают бесследно безликой толпой.
Жизнь проведя в бестолковости и суматохе,
В чреве бездонном они обретают покой.

Лишь единицы способны на смелый поступок —
След свой заметный оставить на вечном лице.
Там среди вселенских морщин много дерзких зарубок,
Каждая память хранит о своём храбрце.

Боязнь откровения

Мне стало страшно с тобою быть вполне откровенной.
Груды моих признаний – картонные корабли —
Делаются по пути бумагой обыкновенной,
Не достигая тебя – обетованной земли.

Легче покорно молчать, будни заполнив делами,
Взгляд укрывая ловко среди пузатых кастрюль.
Чтоб не нарушить баланс, чувства укутав снегами,
Пью от бессонницы на ночь пару горьких пилюль.

Искренность, словно нарыв, лопнет однажды словами,
И тишину разрежет жестокость правдивых фраз.
Можем мы сгоряча навсегда остаться врагами —
Или вернуть внезапно полузабытый экстаз.

Ветреная весна

Сменяет солнце вьюгу,
Метёт метель в азарте,
Капризная подруга —
Погода в этом марте.

Весна озорничает,
Хранит остатки снега.
Порой мороз крепчает,
Вернувшись для ночлега.

То оттепель, то крупка
Вновь покрывает землю.
В объятьях полушубка
Проказы я приемлю.

Непостоянна краля
И ветрена ужасно,
Газоны накрахмалия,
Льёт теплоту всевластно.

Пускай весна, играя,
Сто раз фасон сменила,
Мне главное, родная,
Чтоб ты любовь хранила.

Неистребимая дурь

Себе признаться в этом страшно,
Но скоро стукнет шестьдесят.
Жизнь промелькнула бесшабашно,
Дни неоправданно спешат.

Я бедокурил очень много
И за здоровьем не следил,
Бывал упрямее бульдога,
В азарте годы проводил,

Крутил курортные романы,
Короткий оставляя след.
Мне подражали донжуаны,
Я знал феерию побед.

Дружил с зелёным змием крепко,
Пытался бросить много раз,
Худым казался, словно щепка,
Но продолжал череду проказ:

Бросался на спор в шторм яристый,
На скалы ловко залезал,
Спиной гордился мускулистой,
Непревзойдённый экстремал.

Но, несмотря на все причуды,
Сумел-таки семью создать
И даже в образе зануды
Пред шустрой внучкою предстать.

Как иней, седина в щетине,
Любовных не заметно бурь.
Назло размеренной рутине
Во мне шампанским бродит дурь!

Кандалы бессонниц

Я вырос из детских ботинок,
Претят подростковые шорты,
Сменю надоевшие корты
На блеск шебутных вечеринок.

Мне мало былых устремлений,
Мне творческий надобен стимул:
Не громкое званье, не титул —
Каскад грандиозных свершений.

Объяття дешёвых поклонниц
Набили оскомину всеу.
В мечтах о твоём поцелуе
Гремлю кандалами бессонниц.

В пучине веков не исчезну,
Сплету сочинений соцветья,
Пронзая глаголом столетья,
В учебниках школьных воскресну.

Апрельский кудесник

Ожиданье рассвета приводит к расцвету.
Ощущение гибели тянет в могилу.
Не поверив в наветы, дурные приметы,
Детонирую в марте, подобно тротилу.

Я весенней порой разрываюсь на части,
Поражая восторженных женщин в округе.
Пребывая в моей необузданной власти,
Вожделеют они в несказанном испуге.

Я – кудесник апрельских речей вдохновенья,
Из меня через поры сочатся желанья.
Я берёзовым соком дарю откровенья,
Распушённую вербой врачую страданья.

Без преград

Желанья весной распускаются шустро,
За ними пытаюсь с трудом поспевать.
Увидел красавицу – ноги от бюста, —
Уже через час нас качала кровать.

Совсем не хотел, но пристал-таки к даме,
Размазав помаду по бледным щекам.
Закончилось всё, как в плохой мелодраме, —
Предались поспешно мы плотским грехам.

Заснеженный март даровал незнакомок
Одну за одной, я уже был не рад
Обилию редкостных головоломок,
Острил и смеялся порой невпопад.

Апрель мне подбросил служебных романов,
Запутался я в паутине интриг,
В когорту известных вошёл донжуанов,
Собрав из коллег сексуальный цветник.

Жасминовый май вышел жарким на редкость,
Девицы разделись под стрёкот цикад.
Во мне расцвела сексуальная цепкость,
Чудил безрассудно, не зная преград:

С одной флиртовал я, с другой целовался,
А с третьей слонялся по клубам в ночи.
От страстных утех сильно поистаскался,
Бревном возлежал на диване-печи.

Пытался опомниться, остепениться,
За грудь не хватать полнокровных матрон.
Решил, Казанове пора бы жениться.
Лук спрятав, мне шиш показал Купидон.

Проказник-апрель

Окончен запой самогонной зимы —
День дольше, а темень короче.
Блудницей-весной упиваемся мы,
Проводим задорные ночи.

То я подложу тебе кнопку на стул:
Ты, сев, взбудоражишь полдома,
Гоняясь за мною, вопя: «Караул!» —
В преддверье большого погрома.

То ты гуталином намажешь меня
И выложишь фото в ТикТоке.
Увидев такое, друзья и родня
Три дня пребывать будут в шоке.

Потом мы устоим убойный концерт
На тёплых ещё батареях.
В уснувшем подъезде любой интроверт
Прознает о наших затеях.

Торжественно грянет с балкона салют,
Свистя, вознесутся петарды,
Разрушат уныние комнат-кают,
Засветятся в окнах мансарды.

Под утро легко проскользнём на чердак,
Где бродят бездомные кошки.
Орать, будто мартовский кот, я мастак,
Ты любишь играть на гармошке.

Запенится пивом проказник-апрель.
Сон жителей краток и чуток.
Стучит по карнизам соседей капель
Забавных, разнузданных шуток.

Преддверье порока

Расплавил март снега приличья,
В права вступил апрель фривольный.
Исчезли льдины безразличья.
Пришёл период алкогольный

В объятых развращённых женщин,
В партнёрстве пропитых подружек,
С желаньем стройных манекенщиц,
В соседстве недомытых кружек.

Чулки – ажурной вербы почки.
В телах-берёзах уйма сока.
Лобзанья – нежные листочки —
Преддверье сладкого порока.

Стринги

Были минуты блаженства прекрасны,
Но не сложились в итоге в часы.
Страсти взрывались пожаром опасным.
Как одержимый, однажды трусы

Я утащил у тебя втихомолку.
Запах дразнящий остался со мной.
Словно солдат, что сбежал в самоволку,
Я наслаждался хмельною весной.

Бурный разрыв – не ночная молитва,
Вскоре расстались, знакомство кляня.
В прошлом осталась любовная битва.
Красные стринги лежат у меня.

Мотивация

Стали тесны приземлённые стимулы —
Так вырастают подростки из шорт.
Не интересны кричащие титулы,
Часто приносят они дискомфорт.

Взгляд не прельщают чужие регалии,
Импулса нет от пустой мишуры.
Не предаюсь половой вакханалии,
Не пребываю в объятьях хандры.

Быть с тобой рядом – моя мотивация,
Близость даёт побуждение жить.
В прошлом искусных любовниц ротация.
Век свой хочу я тобой завершить.

Надёжная копилка

Детство обёрнуто в радость,
Возраст дарует нам мудрость.
Спортом наполнена младость,
Старость сгибает сутулость.

Дружбу сменяет влюблённость,
Лирику – пики цинизма.
Множится осведомлённость,
Но увядает харизма.

Тенью уходит здоровье,
Всё ощутимей болячки.
Споров растёт поголовье
И продолжительность спячки.

Рвут отношенья раздоры.
Бракам приходят на смену
Склоки, постыдные ссоры
И недостойные сцены.

Чувство к тебе сохранилось
В сердце – надёжной копилке.
Чтоб это дольше продлилось,
Спрячу любовь в морозилке.

Время настоящей любви

Мы расстались, не виделись несколько лет,
Вспоминали интригу при случае,
Соблюдали к общению негласный запрет,
Жить хотели, друг друга не мучая.

Неожиданно встретились ранней весной
В парке вечером. Круглые столики.
Говорили без умолку, наперебой,
Уходящей зимы меланхолики.

Лёд исчез, караваном пошли корабли,
На реке началась навигация.
Может, время пришло настоящей любви,
Страсти огненной реинкарнация?

Хмельная весна

Весна пьянит невероятно,
Как будто первый раз на свете.
Резвимся мы в траве занятно,
Хохочем в голос, словно дети.

Смешит небесный блин – светило
Шкварчит на знойной сковородке
И намекает: «Было б мило
Достать закуску к тёплой водке».

Как пена, облако пушисто,
В лучах особенно красиво,
Весит над нами бархатисто,
Напоминая кружку пива.

Листвой играет тёплый ветер,
Надев лукавую ухмылку,
Шуршит и дарит нам под вечер
От крон шампанского бутылку.

Ночь – сладострастный искуситель.
Покинув парк-кабак уютный,
Спешим в интимный вытрезвитель —
В постели ждёт сеанс распутный!

Мои бесы

У каждого есть свои бесы.
Мои обожают спиртное.
Напьются, скандалят, балбесы,
Смакуют в рассказах былое.

Им нравится вкус адюльтера,
Развратные женские ласки,
Альковных утех атмосфера,
Горячие взрослые сказки.

Летают в ночи, как ракеты, —
Заводит предельная скорость.
Швыряют без счёта монеты —
Не мучит их блудная совесть.

Подвержены бесы азарту,
Играют в блек-джек и рулетку,
По-крупному ставят на карту
И плачутся с горя в жилетку.

Что делать со сворой рогатой,
Как выжить, её ублажая?
Греховность пугает расплатой,
Невинность – бутылка пустая.

Из крайности в крайность дрейфую —
Неделю живу, как затворник,
Потом, загулявши, кайфую,
Запойный семейный позорник.

У каждого есть свои бесы.
Они искушают искусно.
Клюём на наживку, балбесы, —
Без них нам и пресно, и грустно.

Венки окончанья

Люблю упоённость романов весенних.
Любуясь букетом роскошных тюльпанов,
Даритель исполнен надежд сокровенных,
Живёт в окружении самообманов.

Грядут полнокровные жаркие ласки,
Пыл летних объятий и жгучая ревность,
Желанье предать отношения огласке,
Интимной сестры пожар и душевность.

Плакучая осень семейных раздоров
Сменяет идиллию грубою бранью.
Метёт листопад обвинений и споров,
Путь в лужах упрёков ведёт к расставанью.

Приносят покой одинокие зимы.
Альцгеймер порошит и выюжит сознанье —
Уже не понять, что реально, кто мнимы.
Стоят наготове венки окончанья.

Любовь-заноза

Мне нужно немножечко больше везенья,
Чтоб бизнес расширить, умножить доход,
Исправить оплошности без промедленья,
Пройти без ущерба период невзгод.

Значительно больше здоровья мне надо,
Иначе не выдержать бешеный темп.
Полезных привычек известна триада:
Движение, отдых, диеты ярем.

По счастью, стремленья пожухли с годами:
Растаял кураж, будто клин журавлей,
Хмельные попойки укрыты снегами,
Телесный экстрим заменён на дисплей.

Лишь тяга к тебе зацепилась занозой,
В груди отдаётся порой невпопад,
Весной распускается пышной мимозой
В надежде вернуть нашу радость назад.

Весеннее забвение

Забываю метанья прошедшей весны,
Плохо помню свои опасения.
Возникает престранное чувство вины —
Март как будто утратил значение.

Не заметил я дикой природы расцвет,
Ночью запахи неповторимые,
Синих сумерек жадно манящий вельвет,
Потепленья флюиды незримые.

Проскочил как-то нежных нарциссов сезон,
Когда бодрый апрель был правителем.
Для меня представленья давал полусон,
Я его был единственным зрителем.

Что читал, с кем гулял, чем заполнен был быт,
Преуспел ли в работе значительно?
Цепь событий сознание, увы, не хранит,
Разгрузив мою память рачительно.

Протяну я в грядущее смелую нить,
Подготовлю хмельное решение:
Искромётно кутить и бесстыдниц любить,
Чтобы впредь не накрыло забвение!

Бабочки желаний

Бабочки неистовых желаний
С потепленьем вылетают в марте.
Больше обнажённых очертаний
Мозг рисует в половом азарте.

Юная прохожая – подснежник —
После зимней стужи бледнолика.
Я стараюсь, утончённый грешник,
И она пылает, как гвоздика.

Дама пышных форм прельщает взгляды,
Силуэт – услада организму.
Сняв её роскошные наряды,
Предаёмся в спальне гедонизму.

Женщина, одетая невзрачно, —
Феминистка с недовольным видом.
Проведёт уикенд со мной удачно —
Позабудет путь к пустым обидам.

Сексуальный март плывёт без скуки,
Я меняю вожделенья маски...
В дом вошла жена и с нею внуки,
Стёрли эротические краски.

Позитивный настрой

По весне у меня позитивный настрой —
Надоевшей зимы исчезают недуги,
Возникает желание наперебой
То к одной, то к другой приглядеться подруге.

Представляю в постели с соседкой себя.
По карнизу пробрался к ней, смелый я мачо.
Провела она ночь, сладострастно вопя,
В экстремальных объятьях от радости плача.

Закручу я с сотрудницей бурный роман,
Познакомим с разворотом скупую контору.
Разметая бумаги, страстей караван
Путь проложит по офису и коридору.

Размечтался: заедет супруги сестра,
Тяжело загудят сексуальные струны,
Эта музыка будет звучать до утра,
Мы изучим в кровати интимные руны.

Воплотить не успел мои замыслы март:
Накричала соседка в сердцах из-за шума,
Отвернулся коварно и в офисе фарт —
Променяла коллега меня, тугодума.

Починить мне оставив поломанный джип,
Укатила сестрица, прибавив: «До встречи!»
С запчастями, ремонтом неожиданно я влип,
Так устал, об эротике не было речи.

Впереди полнокровный, румяный апрель.
Может, май воплотит все шальные мечтанья.
Застучит разноплановых связей капель,
Мои дни запестреют цветами лобзанья.

Многоопытная малышка

Красавица младше меня лет на сорок,
А навыков в сексе – на десять лет больше.
Она из плеяды лихих фантазёрок,
Готова гонять до рассвета на Порше.

В очах её опытной женщины знания.
Коварны манеры кошачьей породы.
Находит проступкам легко оправданье.
Стоически сносит любые невзгоды.

Она беспринципна, всему знает цену,
Способна бойфренда отбить у подруги,
Устроить любовнику дикую сцену,
Начальнику телом платить за услуги.

День маленькой львицы – покой и охота,
Проводит часы, перед зеркалом сидя,
Смотреть тренируется вполоборота,
Солидную жертву сегодня предвидя.

Прожил инфантильно полжизни я, верно.
Она родилась, уже зная причуды.
Играет наивность порой лицемерно,
Смешно округляя глаза-изумруды.

Растёт амазонки победный гербарий —
Сражает она воздыхателей метко.
Коварно меняя интимный сценарий,
Не знает отказа в любви, сердцеедка.

Познала она вкус дурманящей власти,
Тасуя застенчивость и аморальность.
Весенних мужчин разрывает на части
Ударной волною её сексуальность.

Дыхание яркой интриги

В аренду

Я пою под фонограмму в караоке
На чужой мотив нелепые слова.
Половина из гостей, наверно, в шоке,
У второй болит несносно голова.

Сдуру в лизинг взял подержанную тачку
И теперь вожусь с ней с ночи до утра.
Мне пришлось открыть последнюю заначку,
На ремонт уходят дни и вечера.

Однокомнатный мой замок в ипотеке,
Ежемесячные взносы по плечу.
Даже книги я беру в библиотеке —
Покупать принципиально не хочу!

Своего ни грамма – ссуды и рассрочки,
Но ещё один кредит я потяну:
Без печати в загсе и без проволочки
Арендную первоклассную жену!

Настырные поиски

Ищу я себя – и найти не могу,
Как будто бы в прятки играю упорно.
Лишь только идея забрезжит в мозгу —
Меняю стратегию жизни проворно.

Из шахмат внезапно я перехожу
В борьбу, где телами колотят по матам.
С ферзями, ладьями теперь не дружу,
Подсечкам свой пыл отдаю и захватам.

Казалось бы, вечно болел за «Спартак»,
По телику матчи смотрел напряжённо,
С друзьями ругался едва не до драк,
И вот – за «Динамо» слежу упоённо.

Романтик, я влюбчив до мозга костей,
Одно увлечение сменяет другое.
Порой вместо скромниц, чьи взгляды теплей,
Порочное манит и даже дурное.

Приятен и важен домашний покой,
Уют очага, бытовые заботы.
Но вдруг просыпается наглый плейбой —
И я отправляюсь в загул до субботы.

То радует старший усидчивый сын,
То я отдаю предпочтение дочке.
Вчера в перепалке достигнул вершин,
Сегодня сижу, затаясь в уголочке.

Навязчивый бизнес со мною всегда:
Налоги, отчёты, коллег разговоры.
Но чуть подмигнёт вдохновенья звезда —
Бросаю дела прозаичной конторы.

Читаю запоем недели подряд,
Пестрят и мелькают романов финалы.
Поняв, что мозги от натуги скрипят,
Могу до рассвета смотреть сериалы.

Я пассии бывшей готов позвонить,
Немедля ей в парке назначить свиданье,
На время из прошлого вытянуть нить,
Почувствовать яркой интриги дыханье.

Во мне фонтанирует явная дурь —
Кручусь, недоделанный флюгер, по кругу,
Тасую затишье и яростность бурь...
Уже сорок лет обожаю супругу!

Хозяин жизни

Мне не достать звезду с небес,
Но можно дать твоё ей имя.
Я в бизнесе – тяжеловес,
Моё влияньё ощутимо.

Таланта нет писать стихи,
Петь под балконом серенады,
Но эксклюзивные духи
Тебя избавят от досады.

Я не художник, не поэт,
Таких призваний не имею,
Но соблюдаю этикет
И планомерно богатею.

Ты можешь гения найти,
С ним прозябать в скупой однушке,
Невзгод отведать ассорти,
Мечтать о битой легковушке.

А можешь выбрать сладкий плен,
Достаток в золочёной клетке.
Исчезнет череда проблем
На три благие пятилетки.

Реши, что важно для тебя:
Быть музой, вдохновлять аскета —
Или, о прошлом не скорбя,
Плыть за рулём кабриолета.

Со мною путь ведёт к добру —
Не поспешишь свернуть налево:
Забыв сермяжную хандру,
Жить будешь, словно королева.

Конечно, я не молодой, —
Отмечу нелицеприятно.
Зато почтенной стать вдовой
Ты вскоре сможешь, вероятно...

Согласье получив легко
От новоявленной подружки,
Купил картофель, молоко
И поспешил к своей старушке.

Я крепость взял, седой корсар, —
Всегда ценил лихие роли.
Ждал дома травяной отвар
И та, с кем съел три пуда соли.

Удачный побег

У меня получилось сбежать от любви,
Бурю страсти укрыть пеленой равнодушья,
Хоть часами решимость – моя визави —
Заставляла дрожать и страдать от удущья.

Не хватило энергии, видимо, ей, —
Одержимость тобою внезапно пропала.
Постарался прогнать я из сердца скорей
Притяженье к тебе, ощущение провала.

Отрешиться пытался, прервать этот плен,
Сладострастную сеть невредимым покинуть,
Позабывать обнажённость округлых колен,
В сером омуте глаз вожаделенных не сгинуть.

Удалось уберечься, пожертвовав пыл.
Расцепила жестокие когти нервозность.
Через горькие муки пройдя, я остыл.
Только помню бессонных ночей виртуозность.

Осмотр души

Казним беспардонно свободы часы,
Вздыхая, они умирают устало.
Мизерных забот кровожадные псы
Сожрали полвека. Осталось так мало.

Мы времени глыбу дробим на песок,
Струится он, шустрый, меж пальцев бездарно.
Нельзя запастись ни мгновения впрок,
Года бестолково скользят, ординарно.

Считаем, что вечность у нас впереди,
Хоть дни утекают водою из крана.
По спинам секут обвинений дожди,
Блуждаем в объятиях самообмана.

Труды-лилипуты «свершеньям» под стать,
Желанья с дешёвой берём распродажи.
Давно перестали о чуде мечтать.
Жизнь мчится в ускоренном хронометраже.

Погублены месяцы в злой суете,
Недели утоплены по недосмотру,
Кварталы распяты тщетой на кресте...
Пора уже душу готовить к осмотру.

Анахронизм

Я принимаю угасанье,
Как раньше принимал расцвет,
Коплю увядшие желанья,
Храню от бурь менталитет.

Усердно собираю чувства,
Их в кляссер жизни поместив.
Обширна серия распутства —
Развратен был и похотлив.

Страстей гербарий восхищает
Набором высохших имён,
В который раз напоминает —
Неоднократно был влюблён.

В фотоальбоме впечатлений
Пылится масса барахла:
Минуты горьких унижений
И благодарности хвала.

Перебираю регулярно
Коллекцию скупых удач
И рассуждаю фамиллярно
О подоплёке недостатч.

Сдуваю плесень с ощущений,
Пытаясь пережить восторг.
Коробка ярких впечатлений
Увы, напоминает морг.

Не будет осенью расцвета,
Прошла весенняя пора.
Анахронизм – любви дискета —
Со мной проводит вечера.

ЗОЖ – здоровый образ жизни

В советах целителей – бросить курить.
Быстрее напиться – в реестре желаний.
Уверен он: сам всё способен решить,
Хотя переполнен багаж обещаний

Начать с понедельника праведно жить,
Надёжно упрятав дурные привычки.
Но он не ребёнок – пороки таить,
Как будто забытые взрослыми спички.

А что на замену? Вонючий спортзал,
Где масса людей нестерпимо потеет?
По телику с гнусной игрой сериал,
В котором смазливый герой преуспеет?

Возможно, зарядка наддаст ему лет,
Но будут ли это счастливые годы?
Без шанса на даже малейший расцвет
Транжирить в аптеке бывлые доходы,

Скучать на диване с отвисшей губой,
Дремать целый день, источая зловонье,
Забыть, чем пригоден огарок мужской,
Зависнуть в бездарном скупом межсезонье.

Растает компания старых друзей.
Без спроса Альцгеймер придут с Паркинсоном,
С собою захватят плеяду врачей
И станут настырно прельщать пансионном.

Взамен путешествий – на кладбище бронь.
Деменция скроет обиды сердечно.
В глазах у детей потускнеет огонь.
Сиделок терпение небесноконечно.

К чему неизбежный пассивный финал?
Неужто он радости стоит искрящей?
Кто хочет веселье сменить на астрал
В постели, не сексом – болезнью смердящей?

Конечно, страдать будет печень его,
Наверное, лёгким придётся несладко.
Но лучше пылать, чем бояться всего
И гаснуть от раковой боли распада.

Он взвесил спокойно на чашах весов
Пять бонусных лет в инвалидной коляске
И краткость полётов среди облаков...
Допил, покурил, полетел к синеглазке.

Сети похмелья

Достигаю в любви совершенства,
Когда, словно игривый апрель,
По сосудам нагруженным хмель
Пробегают, даруя блаженство.

Обожаю период веселья,
Удальства без горючих обид,
Пока горький оправданный стыд
Не накроет сетями похмелья.

Зеро

Я делал ставки на любовь,
На сектор верности и чести,
А выпадали вновь и вновь
Измены номера и мести.

Алел призывно страсти цвет,
Маня горячностью багряно,
Но в ореоле лютых бед
Мне доставался чёрный рьяно.

Хотел и посох, и суму
Вдвоём нести сквозь непогоду,
А приходилось одному
Ховать случайные доходы.

Со временем истлел азарт,
Пристрастье к жизненной рулетке,
Дешёвый не случился фарт...
Остались как зеро таблетки.

Острова одиночества

Ревность – рыба-прилипала,
Тело – бестолковый кит.
От упрёков до скандала
Курс общения лежит.

Океаном пониманья,
Где симпатии цвели,
Размножались обещанья
В аметистовой дали.

По проливам разногласий
К чужеродным берегам,
Сквозь поток коварных связей,
По бушующим волнам

Мелких ссор, крутых разборок,
Недомолвок и обид,
Злополучных оговорок,
Разрушающих кредит

Изначального доверья
И сердечного тепла, —
До хлопка входною дверью,
Что сжигает всё дотла.

После грозного цунами —
Непривычный полный штиль,
Расставание с мечтами,
Битый в хлам любовный киль.

Даже мысли не рыбачат —
Отдыхает голова.
Одиночества маячат
В перспективе острова.

Слабая память

Теряюсь в пыльных прегрешеньях,
В собранье брошенных подруг,
Блуждаю в стёршихся мгновеньях,
Среди засаленных заслуг.

В романах путаюсь прочтённых, —
Возможно, памятью ослаб...
На ощупь граций обнажённых
Не отличу от голых баб.

Вирус безразличья

Мегаполиса бетонные кварталы
Поразил коварный вирус безразличья.
Хладнокровием набиты арсеналы,
Соблюдаются формальные приличья.

Равнодушья постоянны рецидивы,
Боль прохожих удаляется в ливнёвку.
Одиночества довлеют лейтмотивы,
Погружённые в рекламную дешёвку.

Дымный город процветает атомарно —
Заповедником расчётливых изгоев.
Облачается в плакаты он шикарно
И плодит, смердя, уродливых героев.

Начитанный кит

Мне стало комфортно моё одиночество
Среди размышлений туманных и книг.
Оно оставляет пространство для творчества,
Избавив от плена ненужных вериг.

С собой не треплюсь я о гнусной политике,
Не трачу напрасно на споры часы,
Исправно зато предаюсь самокритике,
Ношу неприкрашенной правды весы.

Мне не с кем трюндеть о погодных условиях,
Гадая, что будет, мороз или снег,
Не надо мараться в коварных злословиях,
Тайком обсуждать недочёты коллег.

Заполнило дом до краёв снисхождение,
Оно безмятежностью щедро дарит.
Ликуя, пускаю фонтан вдохновения,
Я в море познания – начитанный кит.

Мои преследователи

Я менял адреса и прописки,
Брал в аренду квартиры, дома,
Письма жёг, удалял переписки,
Изворотлив был, скрытен весьма.

Путал след, как испуганный заяц,
Под корягой таился сомом,
В коммуналках обшарпанных маясь,
В коридор выбирался тайком.

Мимикрировал ловко в народе,
С разношёрстной сливался толпой,
Жил в цеху на закрытом заводе,
Закрывался на ключ в выходной.

Брал у дальних знакомых машины,
Даже ночью был в тёмных очках,
Избегал посещать магазины,
За припасами крался впотьмах.

Укрывался, но всё бесполезно:
Заявлялись ко мне на порог,
Предлагая бутылку любезно,
Искушеньё, запой и порок.

Зона комфорта

Я вышел однажды из зоны комфорта,
Бродя, в привокзальный зашёл ресторан,
Взял к пиву кусок заскорузлого торта,
А к водке – погибший давно круассан.

Потом был салат оливье и ватрушки,
Я дрыгал ногами под диско и джаз.
Две страстные мне повстречались подружки.
Гульбанили мы до утра напоказ.

Стук помню колёс, полустанков мельканье,
Зеркальную дверь в полутёмном купе.
Огней полуночных неярких мерцанье.
Мне кажется, мы упражнялись в борьбе —

Не вольной, не самбо, похоже, постельной.
Из мягких подушек просыпался пух.
Хоть вид этих дам был совсем не модельный,
Смогли возбудить моё тело и дух.

Я с ними провёл три шальные недели.
Менялись гостиницы и города,
Рябили дороги, вагоны, тоннели,
Пестрела событий хмельных чехарда.

Теперь я работаю на лесопилке —
Прощай, эксклюзивный родной кабинет!
Досуг провожу в провонявшей курилке —
На большее мой не рассчитан бюджет.

Психологов блажь обернулась бедою,
Учёных-фрейдистов гоните взашей!
Нелепо сменять благодущье борьбою —
Лишь в зоне комфорта всё будет окей!

За край

Я смотрю на облака пятьдесят пять лет.
Синеокая река продолжает бег —
«Волны», двигаясь легко, ищут свой приют,
Проплывают высоко, над землёй снуют.
Я хотел бы, как они, улететь за край,
Где горят любви огни, плещет счастья рай.

Некролог Земле

Дорожные пики втыкаются в тело природы,
Секут автобаны плетью запылённых шоссе.
Форсируя реки, в трущобах смердят вездеходы,
Вздываются гордо плотины в цементной красе.

Земная могучая плоть – в устрашающих шрамах:
Петляют тоннели, под кожей змеится метро,
В открытых карьерах – ужасных зияющих ранах —
Машины, копаясь, калечат металлом нутро.

Фурункулы угольных шахт и порезы-траншеи
Уродуют грубо доселе нетронутый лик.
Дымящие трубы заводов – удавки на шеи.
В тени небоскрёбов проходит воскресный пикник.

Одежда зелёная порвана стройками в клочья,
На месте душистых полей – монолитный бетон.
Не спит мегаполис, коптит и работает ночью.
Унылый асфальт заменяет цветущий газон.

Салатовых нету тонов – арматура ржавеет,
Небесный индиго скрывает химический смог.
Закатное солнце мартеновской плавкой алеет
И пишет на сивости неба скупой некролог.

Трутни

Город – огромный ковчег насекомых,
Всех энергичнее в нём муравьи,
Не замечая в азарте знакомых,
Мечутся взад и вперёд в забытыи.

Грузы таскают, коробки, баулы,
Денно и ночью работа кипит.
От постоянной нагрузки – сутулы,
Многие взяли жилища в кредит.

Трудятся гулкие пчёлы ударно,
Перелетая с цветка на цветок.
Некогда им пререкаться базарно,
Цель – заготовить провизию впрок.

Пчёлам отважно шмели помогают
И пополняют семейный бюджет,
Власть и налоги на кухне ругают,
Не соблюдают порой этикет.

Оводы, шершни ждут бойни кровавой,
Жала, как шпаги в бою, наострив.
Жертве грозят беспощадной расправой.
Каждый комар на укусы ретив.

Бабочки плавно порхают на сцене.
С ними плеяда стрекоз, мотыльки.
Эти кумиры, злословья мишени,
В небо взмывают наперегонки.

Трутни своею судьбою гордятся,
Выпало им наблюдать свысока,
Как от усилий другие томятся,
Не отходя от штурвала, станка.

Сами еду добывать не способны —
Потчует трутней заботливый рой.
Цель их оправданна и «благородна» —
Власть не утратить любой ценой!

Богатые и бедные

Сытые лица богатых людей
Лучше озлобленных нищих оскалов,
В их выражении – масса идей,
Не отраженье похмельных скандалов.

В омуте глаз их – достоинство, власть
И наслажденье бескрайнею волей,
Океанических лайнеров сласть,
Без раздражения тягостной долей.

Бедность корёжит людские черты,
Взгляд наполняет обидою горькой,
Ржавчиной зла разъедает мечты —
Грустно в колоде быть мятой шестёркой.

Провидец

Знать то, что не ведают ныне другие, —
Нелёгкая доля, тяжёлая ноша.
Он видит в грядущем события нагие,
Ему не помеха сенсаций пороша.

Туманность годов не мешает провидцу.
Он знает, чем в муках судьба разрешится,
Способен предвидеть шагов вереницу,
Но сам результатов порою страшится.

Статист жизненной сцены

Наивность души

Я поэму мечтал написать о любви —
Без ехидных претензий и пасмурной скуки.
Но рассудок твердил: «Не скули, а язви», —
И высмеивал вирши о горькой разлуке.

Описать я пытался невинную страсть,
А мой разум талдычил о мире порочном:
Лучше, мол, в необъятность разврата упасть,
Чем с одною супругой общаться бессрочно.

Превратил в самолётик нетронутый лист,
Запустил, чтобы похотью вечность не гадить.
Я на жизненной сцене – типичный статист.
Мне бы с ролью наивность души не утратить.

Провальный концерт

Выпала нам не любовь, а борьба —
Каждый считал себя первую скрипкой.
Я был упёрт, ты – порою груба.
Объединение стало ошибкой.

Не получилось дуэта из нас —
Каждый хвалил лишь свою партитуру,
Пренебрегая партнёром подчас,
Гнал в отношениях сплошную халтуру.

Не удался наш совместный концерт,
Вышли провальными счастья гастролы.
Нет унисона без маленьких жертв.
Мы недостойно исполнили роли.

Скелеты в шкафу

Так много в шкафу накопилось скелетов,
Что некуда вешать одежду подчас.
Порою в коллекции меньше предметов,
Чем я недомолвок собрал, ловелас.

Одну недостойно оставил без денег,
Не взял у другой от квартиры ключи,
От третьей сбежал, как последний мошенник,
Черкнув на прощанье записку в ночи.

Хранятся надёжно эмоций секреты,
О скверных поступках не знает семья.
Бывалых друзей бесполезны советы —
Я сам адвокат, прокурор и судья.

Прошли откровенных признаний дедлайны.
Был жизненный путь мой извилист, непрост.
Пора бы отправить на кладбище тайны,
Давно по ним плачет забвенья погост.

Объявление

На столбе объявление: «Пропал вертолёт.
Марка. Номер. Нашедшего просьба вернуть», —
Я застыл, не допив свой излюбленный портер,
Уловив изменений трагических суть.

Раньше люди искали котят белоснежных,
Убежавших случайно наивных щенков.
А теперь в объявлениях сухих, безмятежных
Масса чисел и банковских длинных счетов.

«Найден робот А-двадцать, помощник по дому.
Реквизиты приложены, жду гонорар».
Объявление написано по-деловому.
Мне в грядущем мерещится жуткий кошмар.

Будут киборги резвые рыскать повсюду,
Небоскрёбов армада пронзит облака,
Люди станут теряться в любую минуту,
А андроиды их опекать свысока

И писать объявления: «Пропал человек!
Тут же адрес, приметы и матричный код.
Был в квадрате таком-то, ушёл недалече.
Поощренье – рубиновый светодиод».

Нет, хочу снова в мир черепашек неспешных,
Хомячков уморительных, милых котов,
Где «за так» возвращают питомцев потешных,
Ценят радость детей и признание отцов.

Ночные размышления

Порой лабиринты ночных размышлений
Заводят под утро в полнейший тупик:
То, кажется, нет у проблемы решений,
То хочется танком переть напрямик.

Быть может, достаточно бурь и страданий?
Набили оскомину грусти слова.
Давали мы много пустых обещаний.
От вечных разборок гудит голова,

Плодит возбуждённо во мраке чернильном
Кровавые действия. Крутой детектив
Сменяет простой монолог меркантильный.
Потом открывается счастья архив:

Всплывают прошедшего милые сцены,
Лиричные встречи, смешные стихи,
Восторженных, сладостных мыслей рефрены
И близости первой нагие штрихи.

Надежда мерцает в душе сокровенно:
Возможно, нас ждёт впереди ренессанс,
Способность опять обсуждать откровенно
Мечты и страстей возрождённый пасьянс.

С рассветом стирается ворох метаний.
Опять не объявлен последний вердикт.
Продолжит тянуться череда колебаний,
Останется тлеть неугасший конфликт.

Шило

Пора бы подвести уже итог,
Но шило в заднице неугомонно
И помыкает мной бесцеремонно,
Толкает в авантюры, на подлог.

Твердит: «Не упусти последний шанс,
Ведь впереди деменция и климакс.
Взлететь на бирже может сводный индекс,
Но будет ли влеченья ренессанс?»

Тоскливо прозябать в силках родни,
Вокруг доступных множество красоток.
Не будь, как пень, стеснителен и кроток,
В объятья страсти огненной нырни.

Интригу на работе заведи,
Займись с коллегой низменным развратом.
Индифферентность свойственна кастратам,
Вулкан эмоций смело разбуди.

Пойми, что постоянство – это гнёт,
Распутство доставляет наслажденье.
Лови удачи каждое мгновенье,
Забудь про совещанья, бухучёт».

Итоги подводить уже пора,
Но шило не даёт остепениться,
Талдычит, что парит моя жар-птица...
Я уношусь в любовные моря.

Матрёшка

Дисперсия эмоций:
Предошущенье счастья,
Везенья пара порций,
Задорное участие

В делах, что потруднее,
Желание наживы,
Напитки похмельнее,
Обиды рецидивы,

Научные работы,
Спортивные успехи,
Семейные заботы,
Интимные огрехи,

Физическая форма
И старые болячки,
В себе копать норма,
Боязнь серьёзной качки,

Завалы обещаний,
Непринятых решений,
Нервозность состязаний,
Туманность объяснений,

Брутальная небритость,
Излишнее стеснение,
Скупая деловитость
И искры озаренья,

Мечты взнуздать Пегаса,
В поэзии стать богом,
Эвтерпу, дочь Парнаса,
Привлечь прекрасным слогом.

Влюблённостей окрошка
И винегрет стремлений...
Я – сборная матрёшка
Попыток и сомнений.

Крестовый поход

Я в крестовом походе немерено лет —
Беспардонно сражаюсь за прибыль,
Пополняю достойно семейный бюджет,
Конкурентам готовлю погибель,

Управляю активами в серой тени
И на бирже играю азартно,
Не терплю бестолковой, пустой болтовни
И люблю поступать нестандартно.

Коррумпирую нужных солидных людей,
Откровенен всегда с персоналом,
Выгоняю в сердцах проходимцев взащей,
Адаптирован к шумным скандалам.

Я – идейный боец за валюту, рубли,
Мне приятны победные знаки.
На счету после значимой цифры – нули
Маршируют в преддверье атаки.

Бизнес – это искусство и тонкий обман:
Здесь положено прятать доходы,
Не давать никому залезать в свой карман,
Трансформировать ловко подходы.

Умножается грамотно мой капитал,
Но в боях погибает духовность.
Я романтику, веру в людей потерял —
Всюду дразги, подлог, хладнокровность.

Дело, словно голодный, озлобленный зверь,
Нагло месяцы жрёт и кварталы...
Мой поход превратился в банальную херь —
Я утратил в пути идеалы.

Бронепоезд вендетты

Я отчаянный, как тысяча чертей.
Не пытайтесь перейти мою дорогу.
Самый редкостный, прожжённый прохиндей,
Хвост поджав, стремглав бежит в свою берлогу,

Потому что не прощаю я обид,
Отомстить способен яро, бессердечно.
Возвращается мной выданный кредит —
Дожимаю планомерно, бесконечно.

Не будите во мне зверя невзначай.
Он проснётся – и придётся вам несладко.
Мер ответных будет знатен урожай —
Я преследую настырно, без устатку.

У меня хороший нрав и аппетит.
Я начитан и порой пишу сонеты...
Под рамами для врагов всегда стоит
Бронепоезд моей праведной вендетты.

Вата одиноких лет

В её судьбе, застенчивый герой,
Играл я роль влюблённого напрасно —
Ей грезился отъявленный плейбой,
Чтоб страсть была брутальна и опасна.

Я сочинял послания в ночи,
А ей хотелось грубого разврата.
Но похоти истаяли лучи,
Ждёт впереди лет одиноких вата.

Мизантроп

Я быстро превращаюсь в мизантропа —
Мне нравится всё меньше род людской,
Поток противных сплетен новостной.
В том вижу труса, а в другом холопа.

Духовность испаряется туманом —
Вокруг профаны, полчища невежд.
На возрожденье минимум надежд —
Достался мир безмозглым истуканам.

Они увлечены теперь сетями.
Познания лишни, нужен интернет,
В нём можно откопать любой совет,
Обзавестись кумирами, друзьями.

Учения, науки – архаизмы,
Важней наряд гламурный отыскать,
Собрать за селфи лайков лестных рать,
Чтоб занять подобие харизмы.

Не надо помнить даты, дни рождений —
Вобрал в себя всё скаредно смартфон.
Теперь любой безмозглый охламон
В день пишет пару сотен сообщений.

Примитивизм главенствует повсюду —
Забиты буквы, смайлики пестрят.
Сведён к нулю общения обряд.
Я превращаюсь в старого зануду,

Твержу, что нужно думать головою:
Искусственный прекрасен интеллект,
Но есть один существенный аспект —
С ним станем мыслить жопою одною!

Моё счастье

Большой клубок противоречий,
Взаимосвязей сложный граф,
Ухоженность кистей, предплечий,
По рекам ежегодный сплав,

Неимоверная гордыня,
Непротивление судьбе,
В постели страстная рабыня
И мастер спорта по стрельбе.

Она в себе соединяет
Покорность, пламень, лёд и гнев,
О безмятежности мечтает,
Чреду предательств претерпев.

Мелькают быстротечно годы.
Под ветром лет она, бамбук,
Стократ умножила доходы,
Общенья сохранила круг.

Скрывает хвори и болячки,
На людях вечно хороша,
Не ведает депрессий, спячки,
Не упускает барыша.

Стирает напрочь пораженья,
Ошибки бестолковых дней.
Легко прощает прегрешенья.
Своё я счастье вижу в ней.

Сердечные слова

Словами сердце не украсть,
Здесь нужно действие лихое —
Не напоказ, пережитое,
Чтоб вознести или проклясть.

Словами сердце не прельстить,
Оно чувствительно к обману.
Пустопорожнему туману
Не свить приязни тесной нить.

Словами сердце обмануть
Лукавыми едва ль возможно.
Оно прекрасно чует муть
И в час беды стучит тревожно.

Что я могу

Изменить я сумею не так уж и много.
Неподвластны мне шустрые стрелки часов,
От меня не зависит неверие в Бога,
Прекращение таянья вечных снегов,

Огражденье планеты от пёстрого сора,
Сохраненье лесов, полноводия рек,
Производство в театре большого фурора,
Расширенье влияния библиотек.

Я могу только стать хоть на каплю добрее,
Усмирить агрессивности нервный накал,
На заботы земные смотреть веселее,
Пополнять одобрительных слов арсенал,

Проявлять в отношениях во всеми сердечность,
Беспричинно цветы и улыбки дарить,
Верить, что впереди безмятежная вечность,
И Создателя искренно благодарить.

Сохранённый интерес

Любовь погибает в тисках нищеты —
Ей больно сражаться за ломаный грош,
Барахтаться в цепких объятьях тщеты
Без права купить даже пару калош.

Симпатии тонут в пучине проблем,
Над ними вскипают претензий валы.
Ломается хрупкого счастья тандем,
Как будто столкнули его со скалы.

Иллюзии гаснут во тьме неудач
Без ярких свершений, блестящих побед,
Когда от усилий не видно отдач
И шансов оставить значительный след.

Сгорают восторги от яростных слов,
Эмоции сохнут в силках духоты,
И встреченный взор, как пустыня, суров
Без капли сердечности и доброты.

За чувствами важен тепличный уход,
Их может сгубить озлобленья момент.
Исчезнет радушие – земной садовод, —
Восторги зальёт безразличья цемент.

Безмерно врагов у любви на пути.

Взаимость сберечь – это чудо чудес:

Познав разношёрстных страстей ассорти,

Хранить к благоверной своей интерес.

В сетях южного бриза

«Волны моря голубые...»

Волны моря голубые
Омывают камни нежно.
По песку идём босые,
Взявшись за руки небрежно.

Я хочу, как эти воды,
Обнимать твои лодыжки,
Чтоб стихии пенной оды
Нашей вторили интрижке,

Распаляли страсть, играя,
Пробуждали дрожь волненья,
Неуверенность стирая,
Умножали наслажденье.

«Море берег ласкает прибоем...»

Море берег ласкает прибоем,
Обнимает водой острова,
Награждает лазурным покоем,
Тихо шепчет признаний слова.

То лепечет призывно и страстно,
То таится за пеной резной,
О любви говорит громогласно,
Завлекает игривой волной.

Бьёт штормами капризную сушу,
Порет хлётко набегом валов...
Окропляет заблудшую душу,
Чтоб избавить её от грехов.

Небесный купорос

Разливается по небу,
Плещет медный купорос.
Я сажу с краюшкой хлеба,
Пью неспешно кальвадос.

На столе сыры, маслины.
Шепчет ласково прибой.
Развешаются гардины,
Дует свежий бриз морской.

Концертируют цикады,
Солнце радостно палит,
Белизной слепят фасады,
Чайка над волной парит.

Наслаждаюсь синевою
Я в объятьях южных дней,
Полон радостью земною,
Звёздным пологом ночей.

Море и суша

Море мужской осторожной рукою
Исподволь трогает тело земли,
Ластится к тверди водой голубою,
Мягко шуршит у подножья скалы.

Суша лежит, распластавшись безвольно,
Солнцу подставив луга и поля.
Волны её омывают фривольно,
Шепчут рулады, невинно шала.

Море буянит порой несерьёзно,
Пену хмельную в азарте плодит,
Выглядит в мелких барашках курьёзно.
Твердь без труда шалуна усмирит.

Если же, вспылчивый нрав проявляя,
Бурные воды родят ураган,
Суша, на грубость безмолвно взирая,
Пляжи упрячет в уютный туман.

Море интимно песок обнимает,
След недоверья смывает и боль,
Камни губами-волнами ласкает —
Рьяно играет исконную роль.

Думы о вечном приходят негласно:
В эти мгновения царствует штиль.
Молкнет земля, суете неподвластна,
И сохраняет величия стиль.

Я не море

Сотни лет одно и то же:
Море трётся о песок,
Волны бьют земное ложе
Прямо и наискосок,

Набегают с нежным плеском,
Возвращаются назад,
Ночью дразнят лунным блеском,
Днём им вторит хор цикад.

Переменчиво, строптиво,
Море может целовать,
Отдыхать миролюбиво,
Бурой пеною ругать,

Будоражить штормом сильным,
Скалы по щекам хлестать,
Возбуждать нарядом стильным,
Широтой души пленять.

То кокетливо, лазурно
Блещет в солнечных лучах,
То волнуется сумбурно
В серо-грозовых тонах.

Жаль, мне с морем не тягаться —
Не дано с тобой сто лет
Восхищаться и ругаться,
И планировать бюджет.

Морской бриз

Занавески развеивает
Легкокрылый бриз морской.
Синевою свод играет,
Дарит негу и покой.

Ветра свежие объятья
Разгоняют летний зной.
У олив одно занятие —
Кроной радовать резной.

Я хотел бы дуновеньем
Залететь к тебе в альков,
С откровенным восхищеньем
В ушко нашептать стихов,

Пробежать по телу нежно,
Запах трепетно вобрать...
Занавеской безмятежно
На прощанье помахать.

О море и небе

Море меня обнимает волнами,
Нежно целует в воде бурунами.
Небо пленяет лазурью воздушной,
Щедро дарит теплотой благодушной.

Я обожаю морские просторы,
Вдоль побережья солидные горы.
Бело-седых облаков караваны
Вводят меня в состоянье нирваны.

Годы же тянутся мерно на суше:
Напоминают здесь море лишь суши.
Я прозябаю без соли и йода
В дебрях бетонных, где нет кислорода,

Вьётся удушливый смог от бензина,
Стала сезонным явлением ангина,
Прут диатезы, пестрят аллергии,
Массы подвержены гипертонии.

Трассы меня обвивают дымами,
Дыбятся гнева и злобы цунами...
Вот потому я ночами летаю,
В дерзких мечтах океан покоряю.

Любовь и море

Любовь, как море, беспредельна.
Любовь, как море, бесконечна.
Она бывает карамельна,
Изысканна, чистосердечна,

Лазурна в волнах обещаний,
Строптивна в шторме объяснений,
Плакуча под дождём страданий,
Туманна в облаке сомнений.

Она игрива в бликах страсти,
Пассивна при отливах чувства,
Легко ломает мысли, снасти
При первых признаках распутства.

Любовь, как море, многомерна,
Изменчива, глубоководна,
В экстазе бешеном чрезмерна,
А на закате благородна.

Обет

Я учусь у моря примиренью —
Укрощать мгновенно дерзкий нрав,
Своему покорствуя веленью,
Усмирять валы страстей стремглав.

Я учусь у моря возбуждению —
Волны поднимать высоких чувств,
Несмотря на пену искушенья,
Избегать соблазнов и безумств.

Я учусь у моря созерцанию —
Замерев зеркально, словно гладь,
Предаваться томному молчанию,
Глядя ввысь, задумчиво лежать.

Море нас прельщает постоянством,
Омывая берег сотни лет.
Гонор усмирю, забуду пьянство,
Дам с тобой одною быть обет.

Небо и море

Небо ссорится с морем извечно:
Кто на этой планете лазурней,
У кого синева безупречней,
В чьих объятьях светило пурпурней?

Где расцветки точнее и ярче,
Интересней оттенков палитра?
Кто под солнцем сияет богаче?
Не найти двум стихиям арбитра.

Небо супится тучами хмуро,
Сверху громом грозит громогласно.
Море пеной блестит белокуро
И вздымает цунами опасно,

Гонит рьяно волну за волною,
В раздраженье темнеет серьёзно,
Поражает своей глубиною,
Поднимает валы грандиозно.

Небо бесится, смежив ресницы,
И сереет от злобы заметно,
Плещут страстно ночные зарницы,
Спицы молний танцуют балетно.

Шторм в аффекте бушует безумно,
Обнажая звериные зубы,
Воды массой проносятся шумно,
Темнолики, могучи и грубы.

Завершается спор водевилем.
Наполняется всё бирюзою.
Разногласья кончаются штилем.
Упивается мир тишиною.

ЮЖНЫЙ ИЮЛЬ

Оливы под ветром играют листвою,
Даруют желанную южную тень.
Бегут чередою волна за волною.
В июльские дни даже двигаться лень.

Свод неба пульсирует аквамарином,
Бушует под скалами вод бирюза.
Ещё не пора созревать мандаринам,
Магнолий уже отцвела органза.

Цикады концерты дают беспрестанно,
От звонких аккордов нельзя убежать.
Смоковница дарит прохладу гуманно —
Под пологом веток удобно лежать,

Внимать дуновению лёгкого бриза,
Изысканный сыр запивая вином,
По-детски вздыхать в ожиданье сюрприза,
Мечтать простодушно о счастье одном.

В тенистой беседке

Под сенью деревьев в тенистой беседке
Курил я кальян на цветастой кушетке.
Медлительно вязкое время текло,
С небес благодатно струилось тепло.

Лениво валяясь в прохладной беседке,
Витал я в мечтах о желанной соседке.
Она появилась неожиданно на днях
С большим декольте и в блестящих перстнях.

В обвитой плющом, ипомеей беседке
Дремал я блаженно в рыбацкой каскетке,
Парил в облаках среди радужных грёз
И слушал дыхание трепетных роз.

Сиеста

Солнце жарит беспощадно,
Всё живое ищет тень.
В полдень двигаться накладно —
Сразу мучает мигрень.

Есть одно спасенье – зелень,
Пальмы, а не молочай.
Я бездельничать нацелен,
Пить неспешно крепкий чай.

Олеандр сорит цветами,
Источает аромат,
Машет гибкими ветвями
И транжирит свой наряд.

У мимоз ажурны кроны —
Их причудливая сень
У прогретого балкона
Приглушает яркий день.

Бриз порхает безмятежно,
Легкокрылый, озорной,
Поцелуи дарит нежно,
Словно губы дорогой.

Завершу сиесту в море —
В пенных брызгах, будто чёлн,
На лазоревом просторе,
В ласковых объятьях волн.

Южный ветер

Разыгрался сильный ветер,
Олеандры обрывает.
Впереди приятный вечер.
Свежесть зною намекает,

Что пора остепениться,
Снять накал страстей кипящих,
Дать прохладе водвориться
В скалах, жаром исходящих.

Ветру волны вторят дружно,
Охлаждают нежно землю.
Хоть ещё довольно душно,
Я порывам бриза внемлю

И хочу тебя овеять
В страстных сумеречных ласках,
На руках неся, лелеять
В огненных, фривольных плясках.

Молочные звёзды

Хорошо лежать на пляже,
Ощущать дыханье волн,
В подходящем антураже
Съесть орехов пару тонн,

Спелых сахарных арбузов
И медовой пахлавы,
Охлаждённых дынных муссов,
Твёрдой вяжущей айвы.

Наполняясь чёрным чаем
С ярко-жёлтой курагой,
Наслаждаться южным раем,
Дарящим в жару покой.

А пресытившись дарами,
Благодушно почивать,
Рядом с яркими цветами
На земле создав кровать.

Под Луной проплыть неспешно,
Завернуться в свежий бриз.
Наблюдать, как звёзды нежно
Молоком стекают вниз.

Космический пакт

Берег вечерний в огнях, словно цирк шапито.
Море – арена, а зрители – вечные горы.
По серпантину снуют светлячками авто,
В небе проносятся яркой стрелой метеоры.

Знойное солнце зашло – долгожданный антракт.
Занавес в яростных красках цветёт первозданно.
Я заключил бы с природой космический пакт,
Чтоб на закатное море смотреть беспрестанно.

Жара и белоснежье

Прохлада вечерняя – нежная женщина —
Даёт отдохнуть от нещадного зноя.
Магнолия, стройная, как манекенщица,
Внимает листвой шевеленью прибоя.

Плетистые розы алеют заманчиво,
Кивая бутонами свежему бризу.
Жара не ушла, притаилась обманчиво,
Горячие снова готовит сюрпризы.

Днём солнце продолжит палить непростительно,
Ему очень нравится ставить рекорды.
Жизнь будет тянуться предельно медлительно,
Умолкнут активных желаний аккорды.

И только лазурное море бескрайнее
Вбирать в себя будет тепло благодарно,
В моменты затишья смотреться зеркальнее,
Сиять торжествующе и лучезарно.

Сгущаются сумерки тихо гуманные,
В объятья прохлады берут побережье.
Всплывают из прошлого образы странные —
Фиорды, суровых пространств белоснежье.

Засуха

Дождь будет через сорок дней —
Так говорит прогноз погоды.
Всё жарче засуха и злей,
Грядут серьёзные невзгоды.

Частично берег опустел,
На нём топорщатся агавы.
Растеньям исчезать удел —
Остатки жалки, сухощавы.

Уже полгода без воды.
Опали листья богумила,
Скупы смоковницы плоды.
Раскалены, как печь, перила.

Вдоль моря выжженность и зной,
Природе нужно опахало.
У волн оттенок голубой,
А зелени почти не стало.

Ещё десяток жарких лет
Вдали от животворной влаги —
Оливковый прекрасный цвет
Останется лишь на бумаге.

ГОТОВЫЙ ЭСКИЗ

Прогретое море, холодное пиво,
Дыханием свежим ласкающий бриз,
Арбузы, маслины и лёгкое чтиво —
Вот жизни счастливой готовый эскиз.

Рокочет прибой: убеждает успешно,
Что надо проблемы в волнах утопить,
В мечтах бирюзовых парить безмятежно,
Любое мгновение боготворить.

Морские ипостаси

Ранним утром на рассвете
Море – робкое дитя —
В серовато-синем цвете
Улыбается шутя,

Трогает водою камни,
Забавляется с песком
И, подобно мягкой ткани,
Стелется под ветерком.

В полдень море, как невеста
С белой пенною фатой,
Под лобзаннями норд-веста
Забывает про покой,

Окаймляется валами
И качает корабли —
Сумасбродные цунами
Добегают до земли.

Днём сочувственно и щедро
Море дарит свежий бриз.
В час жары дыханье ветра —
Восхитительный сюрприз.

Волны скалы омывают,
Навевают сладкий сон,
В грёзах встречи обещают
Тем, кто истинно влюблён.

На закате море страстно
Отдаёт своё тепло,
С ним шутить небезопасно —
Многих в бездну увлекло.

Ночью, будто бы старуха,
Море бесится порой —
Возрастная потаскуха,
Угнетённая нуждой.

Долго сердится спросонок,
Наконец ложится спать...
Чтобы снова, как ребёнок,
На рассвете заиграть.

Благодатный удел

Вино наполняет рубином бокалы,
На солнце оливки боками блестят,
Пустынны напрасных волнений причалы,
Солёные волны лукаво шуршат,

Зовут позабыть суету городскую,
Нервозный настрой и свирепый оскал.
Безделье лелеет натуру людскую,
Противен здоровью излишний накал.

Вино заполняет опалом стаканы,
Даёт отдохнуть от навязчивых дел,
Порвав обязательств тугие арканы.
Приливу внимать – беззаботный удел.

Окончание лета

Край магнолий и пальм покидать очень грустно,
Но кончается ласковый летний сезон.
Хоть по-прежнему дыни и персики вкусны,
В нетерпении северный ждёт регион.

Там уже облетают берёзы и липы,
В ожиданье морозов пожухла трава,
Доминируют ветра промозглые всхлипы,
На закуску солёности, не пахлава.

Хмурят брови угрюмые сивые тучи,
Через сито нисходят унылым дождём...
А на юге горячие сутки тягучи,
Жизнь полна наслажденья и ночью, и днём.

Что ж, пора привыкать, впереди непогода.
Бирюзу скоро сменит безмолвность полей.
Ждать объятий тепла надо будет полгода
Далеко от призывно блестящих морей.

Звон изысканных идей

На вершине

Горы, небо, тишина,
Лёгкий ветер и ни звука.
Бесподобна вышина,
Где ни шороха, ни стука.

Камни, скудная трава
Без жужжащих насекомых.
Сизый горизонт – канва
Облаков малознакомых.

Аж захватывает дух!
Так приходит просветленье.
Обратиться б в лёгкий пух,
Над землёй парить в забвенье.

Укоренившийся

На службе он укоренился
И с места не сходил сто лет,
Так в быт налаженный вцепился,
Что стал похож на раритет

В своём же собственном собрanye
Покрытых плесенью вещей,
Где слышно лишь бумаг шуршанье —
Не звон изысканных идей.

Два ангела

У каждого ангел есть чёрный и белый.
Один призывает парить в облаках,
Но хвалит другой этот мир оголтелый
И манит погрязнуть в бесстыдных грехах:

Предаться распутству и непостоянству,
Кутить залихватски день-ночь напролёт,
Уйти с головой в беспробудное пьянство,
Не думать о том, что расплата грядёт.

А первый талдычит: «Духовность первична,
Триумф не отпразднует гнусный порок.
Пускай обстановка груба и цинична —
Пробьётся сквозь хамство культуры росток!»

Что тот, что другой – искусители оба:
Сидят на плечах и ворчат вразной.
Я буду метаться в сомненьях до гроба,
Чудить и корить себя мнимой виной.

Отрицание

Из страха вас любить не буду,
Я безнадежен и свободен.
Проткните злобно куклу вуду —
Останусь так же беззаботен.

Не трону ваших рук точёных,
Не припаду к ногам проворным,
Не утону в глазах зелёных,
Останусь буюм непокорным,

Что море поглотить не в силах,
Поскольку он пустой по сути.
Не стынет кровь в засохших жилах,
В душе – осадок злобной мути.

Дачник одного меридиана

Не боцман я, а подмосковный дачник.
Шесть соток – мой убогий океан.
Весёлый, эпатажный неудачник,
Тельняшкой развлекающий селян.

Работаю на грядках ежедневно,
Повесив круг спасательный на кол.
Штормами восторгаюсь задушевно,
Отпив капустный из ведра рассол.

Я бросил якорь далеко от моря,
Здесь круглый год безветрие и штиль,
Кузнечикам, а не цикадам вторя,
Сижу, открыв литровую бутыль.

Несёт меня волна самообмана,
Качают бирюзовые мечты.
Я лоцман одного меридиана
И штурман развалившейся тахты.

Пират смешанных лесов

Влюблённый в дикий океан,
Я прозябаю в Подмосковье,
Тоскливых суток ветеран,
Ношу в парник дерьмо коровье.

А представляю ярый шторм,
Челнок, черпающий бортами,
Безбрежный пенистый простор,
Удар гигантского цунами.

Величественный вижу бриг,
Летающий вдаль под парусами.
Живу в кругу дурных интриг,
Сплетённых злобными врагами:

То им не нравится забор,
То бакен, выставленный мною.
А уж какой создал фурор,
Придя нагим на пруд зимою!..

Я – смешанных лесов пират,
Потративший свои пиастры.
Чиню скрипящий ламинат
И развожу смиренно астры.

Обет бесчувствия

Не сдайся чувству роковому,
Старайся мыслить по-мужски
И, стиснув зубы, по живому
На сердце горе иссеки!

Калёным придави железом,
Заставь сомненья замолчать,
Смирись с корсетом и протезом:
Они помогут не страдать,

Не помнить горькое бывшее,
Обидных поражений резь —
Прижги огнём пережитое,
Чтоб истребить апломб и спесь.

Душевные опасны раны,
Когда гноятся много лет,
Сжигай прошедшие романы,
Приняв бесчувствия обет.

Из прошлой жизни

Милый Париж возле Сены – в лотках,
В книгах, открытках и прочих вещах.
Остров Сите и Латинский квартал
В прошлой я жизни порой посещал.
Было приятно ходить просто так
В гуще туристов и праздных зевак.
Пил я вино на террасах быстро
И возвращался в ночи на метро.
В парке Монсо бродит юность моя,
На Пер-Лашез ждут гранит и скамья.

Документы в интернете

Пёс лает – вот права на конуру,
Мои же документы – в интернете.
На Бобика завистливо смотрю —
И сохраняю данные в планшете.

Вот здесь квартира, тут автофургон:
Всё «в цифре» – лишь нули да единицы.
Привык к бумагам гербовым, пардон,
Претят мне электронные таблицы.

Свидетельства лежат пусть на столе,
Хочу я видеть синие печати,
Права и ПТС на шевроле
И папку с благодарностями, кстати.

Боюсь, отключат свет – и сеть умрёт,
Исчезнут все заслуги и награды.
Я вспомнить не смогу в сбербанке счёт —
Погибнут накоплений мириады.

С завтра на послезавтра

Под сенью завтрашнего дня
Я продолжаю расслабляться.
Забыты шум и беготня.
Сегодня время похмеляться,

С подругой нежно ворковать,
Смотреть тупые сериалы,
Обои лёжа изучать,
Презрев рабочие авралы.

Сегодня отдых и покой,
Докуки выгнаны на сутки.
Образовался выходной,
Фонтаном быют смешные шутки.

Душе противна маета —
Нагрянет послезавтра точно,
А с ним заботы, суета...
Так я дела томлю бессрочно.

SOS

Фрегат любви сгубила бытовуха,
На дно пошёл симпатий такелаж.
К штурвалу встала скарედность-старуха,
Безденежье взяло на абордаж.

Мы уцелели лишь поодиночке,
Взаимности порвались паруса.
Я долго плыл в закрытой гулкой бочке,
Гнались за мной претензий голоса.

А начиналось мило, романтично —
Ломились восхищенья сундуки,
Свиданья проходили феерично,
Казалось мне, достаток – пустяки,

Ведь главное – эмоции и чувства,
Полёт страстей, сиянье ярких грёз!..
Но не сварить компота из безумства,
Настало время нищих, горьких слёз.

Тону в воспоминаньях постоянно,
То запираюсь, то иду вразнос.
Поэзией сигналю покаянно —
Стихи летят в эфир. Спасите. SOS!

Утешительный бонус

Стареют из камня дома и рябины,
Приходит эмоциям сильным конец,
Уходят прислужники и властелины.
Бегущее время – жестокий боец.

Оно убивает легко, хладнокровно,
Ему всё равно, ты король или раб.
И с ним сторговаться нельзя полюбовно,
Любой завершает свой бранный этап.

Дряхлеют машины и гордые птицы,
Белкам и пластмассе приходит конец,
Мыслители в жертвах его и тупицы.
Летающее время – изрядный хитрец.

Оно уменьшает либидо и тонус,
Не взять на повторное шоу билет.
Но гениям дан утешительный бонус —
Оставить творенья в бездонности лет.

Вирус увяданья

Не глядя в зеркала, старуха красит губы,
Костлявою рукой ведёт автопилот.
Бывает, он сбоит – алеют ярко зубы,
Помады толстый слой ложится от щедрот.

Пусть в памяти свежи полночные свиданья
И прячется меж книг любовное письмо,
Но чья-та тень в углу – то вирус увяданья,
Он к стенке повернул старинное трюмо.

Перья вдохновения

Я был крылат, парил в мечтах
И уносился в поднебесье,
Витал в заоблачных мирах,
Писал стихи одной принцессе.

Творил изящно и легко,
Слов восхищали арабески,
И возносились высоко
Произведений ярких всплески.

Но жизнь – коварный мизантроп —
Мне быстро обломала крылья:
Мол, ты не ангел, а холоп,
Трать на земле свои усилья.

Я опустился в тот же миг,
А вдохновенье улетело.
В кругу пустых забот, интриг
Изрядно погрузнело тело.

В поту работал уйму лет,
Добился многого, не скрою,
И заслужил авторитет
Своей нелёгкою судьбою.

Стал приземлённым, как и все,
Гнал от себя желанья – в небо!
Был верен избранной стезе:
Добыче ежедневной хлеба.

Слыву рукастым мужиком,
Со мною дружат подмастерья...
Храню за пазухой тайком
От крыл оставшиеся перья.

Филигранная тишина

Последние тёплые, светлые дни
В объятиях солнца уносятся к югу.
Порвав караван облаков на ремни,
Беснуется ветер, предчувствуя выюгу.

Срывает он с яблонь до срока плоды,
Осины с берёзами гнёт несказанно.
Беременны вновь урожаем сады.
Звонит по утрам тишина филигранно.

Красочный аншлаг

Оттенки зелени в фаворе,
Хоть жёлтые видны мазки.
В возникшем радужном узоре
Нет безысходности, тоски.

Зияют голубые дыры
На фоне посеревших дней.
Грохочут грозы-канониры,
Дождь гонит теплоту взашей.

Мяч жарко-солнечного лета
На девять месяцев отбит.
Непрекратима эстафета —
На время осень победит,

Займёт весь пьедестал почёта,
Взметнёт надменно рыжий флаг,
Пооборвав листья без счёта,
Устроит красочный аншлаг.

Всевышний андроид

Нас носят массивные птицы
И возят железные кони,
В селе у любого тупицы
Есть старенький дизельный «пони».

В роскошных домах автоматы
Стирают и моют исправно.
Консервы, пайки, концентраты
Заполнили кухни тщеславно.

В быту электронные книги
Сменили бумагу прекрасно.
Теперь многотомник – вериги,
Пылится на полке напрасно.

От гаджетов нету спасенья,
Они в туалете и в спальне,
Надёжны, готовы к общенью,
К случайным ошибкам лояльны.

О местности знанья излишни —
Спасает в пути навигатор.
Становятся малоподвижны
Учитель, кузнец, ресторатор.

Считают компьютеры ловко,
Изводят ошибки из писем.
Нас жизнь изменила, плутовка, —
Стал каждый от ботов зависим.

Без роботов мы никудашны,
Беспомощны прямо, как дети.
Не люди – андроид всевышний
За хрупкое счастье в ответе.

Радость эстета

Ни жары, ни холода,
Хвойный запах леса,
На деревьях золота
Лёгкая завеса.

Бьют поклоны яблони,
До земли склоняясь.
Облака расслабленно
Ветру вторят, шляясь.

Предвкушенье осени —
Радость для эстета:
В рыжине и просини
Завершенье лета.

Богатый листопад

Осенний лес проникнут тишиной,
Заполнила овраги безмятежность,
На косогорах царствует покой,
А в небе – серо-млечная безбрежность.

Всё оплатил богатый листопад,
Разбрасывая листья, как купюры.
В величие он внёс достойный вклад,
Позолотив деревьям шевелюры.

Сольный концерт

Дождь репетирует сольный концерт,
Звонит и бурлит в водостоках.
Осень, оставив пестрящий мольберт,
Купается в водных потоках.

Жёлто-коралловый выбран пролог,
Зонты и плащи в увертюре.
Жаркого лета скупой некролог
Разносят листочки-брошюры.

Вписан в программу цветной листопад,
Туманные зори, рассветы,
Буйного ветра каскад эскапад,
Лазурного неба просветы.

Белый покров – неизбежный финал,
Хрустящие корками лужи,
Яркий прощальный оранжевый бал
Под стоны пронзительной стужи.

Достойный финал

Не расставайтесь, ругаясь визгливо,
Будто партнёра вы долго терпели.
Стоит проститься легко, похотливо,
С неудержимую страстью в постели.

Не уходите в запальчивой ссоре,
Хлопая дверью, чтоб стёкла звенели.
Нету резона в бессмысленном споре,
Лучше решите вопросы в постели.

Не разрушайте, бранясь, отношения —
Были и в вашем романе апрели.
Вспомните сладостный вкус прегрешенья
И освежите пикантно в постели.

Каждый способен порвать со скандалом,
Чтоб даже корни волос покраснели.
Лишь единицы способны финалом
Сделать феерию секса в постели.

Простодушный эротоман

Ассорти

Ремонт Олег не завершил,
С соседкой закрутил интригу,
Не знал, как вечер провести, —
И получилось ассорти:
Он в супермаркете купил
Презервативы, шпатель, книгу.

Минута славы

Был Слава с женщинами скор,
Не тратил понапрасну время.
В постели с ним не ждал фурор —
Он изливал мгновенно семя,
Забыв про марафон, экстрим.
Минутой славы был интим.

На дне рождения

Муж вернулся помятый и грустный,
Весь оборванный, как маргинал,
Перегаром пропитанный гнусным.
Не любезничал он, не ласкал.

Удивляла изнанкой рубашка,
Не хватало перчатки одной.
На затылке – чужая фуражка.
Вид подавленный был и смурной.

Из портфеля торчала мочалка,
Цвёл на шее синюшный засос.
Воротник украшала фиалка,
Змейки рыжих и русых волос.

Объяснил благоверный, рыгая,
Что на дне он рождения был.
Сбросил обувь, усердно моргая,
Захрапел и к Морфею отбыл.

От супруги – ни грамма протеста,
Осознала в тревоге жена:
Дно рождения – страшное место.
Видно, правит там бал сатана.

Третья половинка

Была супруга не права,
Сказав, что фурия – блондинка.
Она – постельная халва
И наша третья половинка.

Скончался

Говорят: «Скурился Женя», —
Постоянно друг курил.
Рассказали: «Спился Веня», —
Непомерно парень пил.
Слух прошёл: «Антон скончался».
Много с бабами... общался!

Стареющий биткойн

С незапамятных времён
Я в эротику влюблён.
Прочитал «Декамерон».
Сладострастный Купидон
Поражал меня не раз,
Весь извёл боезапас.
Ветеран любовных войн —
Я стареющий биткойн:
Вроде есть, а вроде нет.
Вся услада – интернет.
Курс мой рухнул до нуля,
И в карманах ни рубля.

«Муж исчезал на целый день...»

Муж исчезал на целый день,
В ночи терялся неизменно,
По праздникам сбегал, как тень, —
Он трахался самозабвенно.
Мыл, улажал свою отраду...
Купил подержанную ладу.

Букеты

Он пришёл на свиданье с букетом цветов
И добился желанную сразу.
Возбуждённый, парил средь любви облаков,
Ощущая влеченья заразу.

Растворилась под утро зазноба легко,
Дни летели ночей бесполезней.
Две недели прошло, венеролог его
Принял с пышным букетом болезней.

Подруга

Знакомого мне приглянулась подруга,
Проснулся дремавший давно аппетит.
Узнав, когда не было дома супруга,
Вошел с ней в контакт... а она – трансвестит.
Противнее не было в жизни досуга:
Рот порван и задница сильно горит.

ЖИЗНЬ С ПОЭТОМ

С поэтом жить невыносимо —
Рифмует он и день и ночь,
Лежит поленом недвижимо,
Воспрянув, согрешить не прочь.

Он всех готов продать за слово,
За афоризмы заложить.
Обижен – дуется пунцово,
Доволен – может стих родить.

Колдун

Заклятья, заговоры, шёпот,
Невнятный полуразговор,
По кухне торопливый топот,
Смесь запахов, как на подбор.
Колдун я, чернокнижник, маг...
Готовлю первый раз форшмак.

Лилия

В будуаре Лилия —
Хрупкая идиллия.
Белокура, смелая,
Страстная, умелая.
Стоит в сети к ней попасть,
Подчиняет чувства власть,
И адепты красоты
Превращаются в цветы.
Оттого который год
Щедро комната цветёт.
Жизнь прелестна Лилии
В пышном изобилии.

Примитивный рэп

Я накопил достаточно денег —
Свора налогов имеет меня.
В спальне вещает огромный телик —
Бес пропаганды имеет меня.

Взял по дешёвке зря иномарку —
Цепь неполадок имеет меня.
Приобрела жена соковарку —
Пул заготовок имеет меня.

Стаей проблемы воют на службе —
Злобно начальство имеет меня.
Только верный мальчишеской дружбе
Друг закадычный не пилит меня.

Курчавость

Курчавые девы занятны,
Покладисты, в сексе легки.
Их локоны невероятны,
Чаруют, манят завитки.
Причёски воздушны, приятны,
На ощупь упруги, мягки...

Конечно, они не бесплатны,
Но скарედность тут не с руки!

Интернет и секс

Представляю, будто рядом
Ты лежишь, моя любовь.
Обжигающим снарядом
На тебя нацелен вновь.

Обнимаю крепко, нежно,
Отогнав сомненья прочь.
В клочья разорвав одежды,
Проживаю бурно ночь.

Путру проснувшись рано,
Позабыв дела, обед,
Снова висну у экрана,
Погрузившись в Интернет.

Частушка

Я устал болеть тобой
Без выздоровления —
В понедельник, в выходной
И в канун рождения.

Лихорадка бьёт меня
При твоём явлении.
Без горячки нет и дня,
Я всегда в томлении.

Рецидивы стали злей,
Часто ночью мучают,
Изведут меня быстрее,
Чем Пол Пот Кампучию.

Как влюблённому прожить
В тягостном смятении?
Растерял кураж и прыть,
Не найду спасения.

Антидот скорее мне,
Порошки, лечение!
Погибаю я в огне
Самоотречения.

Страсть изведал я с тобой,
Пылкие стремления.
Навсегда забыт покой
И предубеждения.

Я готов болеть тобой
Без ограничения,
Чтоб накрыло нас волной
В вихре наслаждения.

Я уехал далеко

Я сам уехал далеко.
Зачем умчался далеко?
Прости, родная,
Моя родная.
Решиться было нелегко.
Исполнить было нелегко.
Теперь страдаю.
В глуши скучаю.

Томятся горестные дни.
Печальные толкутся дни.
Тебя нет рядом,
Со мною рядом.
Ты потерпи, ты погоди,
Совсем немного подожди.
Вернусь с нарядом
Любви снарядам.

Я на тебя в ночи молюсь,
Неистово крестясь, молюсь.
Ведь ты – икона,
Моя икона.
На всех, кто рядом, страшно злюсь.
Лютую. Беспричинно злюсь.
Жду почтальона

У телефона.

Стрелю пущенной помчусь,
Ядром из пушки возвращусь
К тебе румяной,
Всегда желанной.
Я на коленях объяснюсь.
Сложив ладони, повинюсь
В грехах неожиданных,
Поступках странных.

Пойми: я – глупый пилигрим,
Наивный, страстный пилигрим.
В ночи летаю,
В мечтах витаю.
Свой путь окончу, смою грим.
Порву все маски, смою грим.
На нашу встречу
Всё променяю.
На нашу встречу
Всё променяю.
Всё променяю.
Всё променяю.

По привычке

Супруг с супругою в постели
Раз увлеклись любовью днём,
Забыв на время канители,
Предались близости вдвоём.

Нечасто в полдень прохлаждались —
У всех рабочие дела,
А тут в кровати оказались
И раскалились добела.

Она его ласкала нежно,
Он был брутальнейший самец.
Часы летели безмятежно,
Вдруг оргии пришёл конец.

Звонок настойчивый раздался,
И дверь входную затрясло.
Супруг изрядно испугался,
Жену буквально обожгло.

Она вскочила: «Муж вернулся!
Быстрее прячься на балкон».
Мужик с обидой чертыхнулся:
«Подвёл коварный Купидон!»

В мгновенье ока вынес вещи:

«Ну рогоносец и свинья,

Прервал свидание зловеще...»

Сразила мысль: «А кто же я?!»

Когда иссякнут силы

Чуть слышно музыка играет,
В бокалах красное вино,
Балык на блюде подсыхает,
А сыр завял уже давно.

Без косточек блестят маслины,
Фундук рассыпан и миндаль,
В корзинке – спелая малина,
Огранкой хвастает хрусталь.

Укроп гарцует на картошке,
Бока у шпротин в янтаре,
Цилиндром сложены лепёшки,
Застряли суши в имбире.

Улыбки яблок наливные
Скрывает тёмный виноград,
Потеют груши золотые,
И пузырится лимонад.

Не до еды – сплелись, как змеи,
Лишь Евы на тебе наряд.
Мы в сексуальной эпопее
Уже девятый час подряд

Рекорды ставим, заводилы.
В постели нет запретных тем...
Когда иссякнут напрочь силы,
Я непременно всё доем!

Отрывающийся

Юные годы прошли безвозвратно,
Дети окончили школу уже.
Я говорю сам себе деликатно:
«Притормози на крутом вираже.

Хватит нестись рысакom оголтело,
Побереги лучше шейку бедра,
Не бесконечны ресурсы у тела,
Не алкоголь тебе друг – медсестра».

Так рассуждаю спокойно и трезво,
Но в голове тараканы снуют,
С жаждой азарта проносятся резво
И заставляют оставить уют.

Я уплываю в далёкие страны,
Не нацепив на седины парик.
Мне говорят комплименты путаны:
«Шустрый какой, хотя с виду старик».

Двери свои раскрывают таверны,
Щурятся мило в портах кабаки,
Ночи полны кутежами чрезмерно,
Здравому смыслу порой вопреки.

Для «серпантина» взят родстер в аренду —
Скорость, безумие, адреналин!
Я сочиняю для близких легенду,
Мол, прозябаю в деревне один.

Дни провожу в эйфории, летая,
Но возвращаюсь в налаженный быт.
Спит тараканья притихшая стая,
В заднице шило, устав, не свербит.